

(1914)

(1968)

(1974)

(1994)

(2006)

Истоки ИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстоки

Истоки

Выпуск №1

ИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстоки

ИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстокиИстоки

Клуб ветеранов и старожилов "Истоки"

Новороссийская центральная городская библиотека им. Э. Э. Баллиона

Истоки

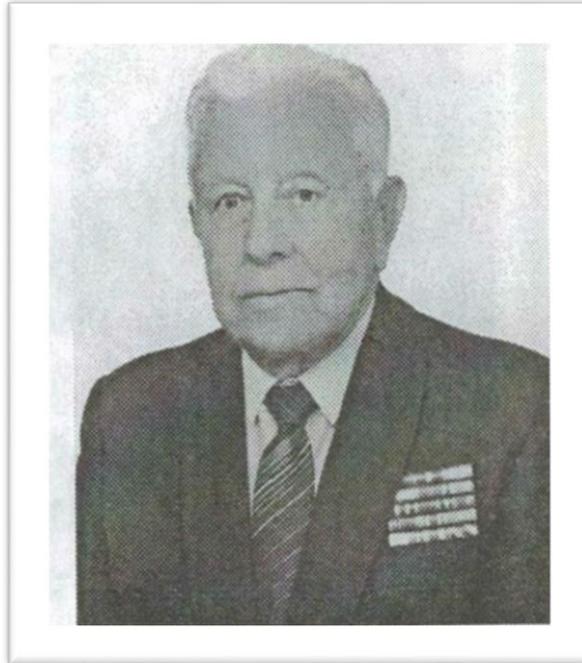
Литературно-краеведческий

Альманах №1

Новороссийск

2017

Создатель клуба «Истоки»

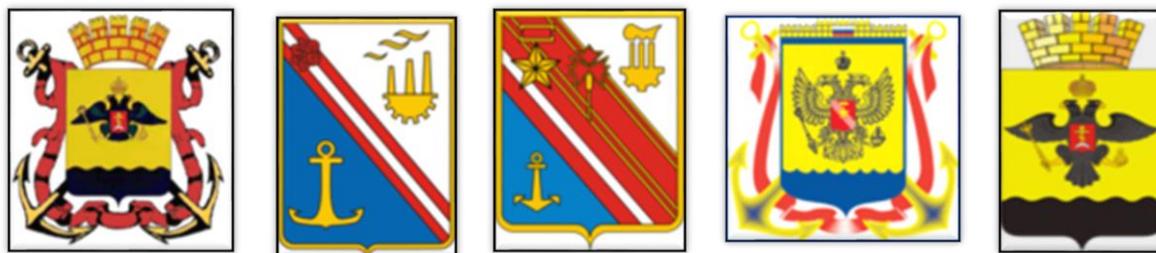

Николай Тимофеевич Турчин

После окончания средней школы (перед войной) работал на заводе "Красный двигатель". Вместе с заводом эвакуировался в Самарканд, где и был призван в армию. Воевал на Западном и других фронтах. Награжден двумя боевыми орденами, а возвратившись в свой родной город, много лет работал в строительной отрасли, как профессионал - механизатор. Награжден орденом "Знак Почета", удостоен звания "Заслуженный Строитель РСФСР". Он всегда был в строю - принимал активное участие в военно-патриотической работе.

Николай Трофимович, знаток истории города его флоры и фауны, обычаев и нравов населения, краевед и великий патриот Н.Т.Турчин в 2006 году организовал клуб «Истоки», чтобы передавать свои знания и опыт членам клуба.

ГЕРБ ГОРОДА-ГЕРОЯ НОВОРОССИЙСК

2006

1914

1968

1974

1994

Дата принятия: 15.10.1914, 01.07.2005, 19.03.2006

[ГГР РФ: № 2213](#)

В золотом, с черной волнистой оконечностью, щите черный двуглавый, увенчанный Императорской короной орел, со скипетром и державою в лапах, на персях коего щиток, в червленом поле которого золотой православный восьмиконечный крест, водруженный на серебряном опрокинутом полумесяце. Щит увенчан золотою о пяти зубцах башенною короною.

Обоснование символики:

Герб города-героя Новороссийска составлен из различных элементов, образующих единую и гармоничную композицию. Все фигуры герба символизируют город и его жителей как воинов и тружеников.

Изображение в щите герба Новороссийска черной волнистой оконечности отражает географическое расположение города на берегу Черного моря.

Православный восьмиконечный крест, водруженный на опрокинутом серебряном полумесяце и помещенный в червленом поле щитка, свидетельствует об исторической победе русского оружия над турецким на черноморских берегах Северного Кавказа.

Золотая пятизубцовая корона особого вида указывает на славные традиции, на историю города.

Императорский орел, редкого для отечественной геральдики «николаевского» типа, подчеркивает то, что наш город основан в эпоху правления императора Николая I.

Золотой цвет гербового поля означает власть, величие, силу разума, а также свет и духовность.

Черный цвет символизирует покой и мудрость.

Красный цвет (червлень) означает в геральдике мужество, жертвенность, праздник и красоту.

Серебро — символ благородства, чистоты, справедливости и великодушия. Утвержден решением Новороссийской городской Думы (#81) от 7 июля 2005 года, изменен решением Новороссийской городской Думы (#180) от 21 февраля 2006 года. *Информация о современном гербе Новороссийска предоставлена Геральдике.ру Михаилом Шаруновым.*

В основе современного герба исторический герб Новороссийска, учрежденный императором Николаем II в 1914 г.: в золотом поле над черной волнистой оконечностью черный двуглавый орел под короной, в лапах орла скипетр и держава, на груди червленый щиток, в котором золотой православный крест над серебряным опрокинутым полумесяцем.

Герб города Новороссийска в 1990-е годы представлял собой золотой с синей волнистой оконечностью щит, внутри которого расположен черный увенчанный короной двуглавый орел со скипетром и державой в лапах; на груди орла щиток, на его красном поле по диагонали - орденские ленты: ордена Ленина и ордена Великой Отечественной войны I-й степени; в центре на орденских лентах -

медаль “Золотая звезда”. Щит увенчан крепостными башенными зубцами и украшен двумя золотыми якорями, соединенными Александровской лентой, лентой ордена Святого Александра Невского.

За основу взят герб города Новороссийска, утвержденный 15 октября 1914 года с изменениями, связанными с историей города Новороссийска с 1917 года по 1990 год и его заслуги перед Отечеством

Утвержден художественным городским советом 1 декабря 1994 года, протокол #5.

Изменения внесла художник А.Р. Филатова.

Герб Новороссийска в 2005 г. (утвержден решением № 81 от 07.07.2005 г. городской Думы Новороссийска - "О гербе города-героя Новороссийска"): "В золотом, с черной волнистой оконечностью, щите черный двуглавый, увенчанный императорской короной орел, со скипетром и державою в лапах, на персях коего щиток, в червленом поле которого золотой православный восьмиконечный крест, водруженный на серебряном опрокинутом полумесяце. Щит увенчан золотою о пяти зубцах башенною короною и украшен двумя золотыми якорями в Андреевский крест, соединенными Александровскою лентою. Изображение в щите герба Новороссийска черной волнистой оконечности отражает географическое расположение города на берегу Черного моря. Православный восьмиконечный крест, водруженный на опрокинутом серебряном полумесяце и помещенный в червленом поле щитка, свидетельствует об исторической победе русского оружия над турецким на черноморских берегах Северного Кавказа. Золотая пятизубцовая корона особого вида указывает на славные традиции, на историю города. Императорский орел, редкого для отечественной геральдики "николаевского" типа, подчеркивает то, что наш город основан в эпоху правления Николая I. Золотой цвет гербового поля означает власть, величие, силу разума, а также свет и духовность. Черный цвет символизирует покой и мудрость. Красный цвет (червлень) означает в геральдике мужество, жертвенность, праздник и красоту. Серебро - символ благородства, чистоты, справедливости и великодушия.

Награды города Новороссийска

Город Новороссийск является крупным транспортным узлом и важным торговым портом, имеет исторические заслуги перед Отечеством, награжден 7 мая 1966 года орденом Отечественной войны первой степени, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1973 г. удостоен звания «Город-герой», с вручением высших государственных наград - ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Дни города отмечаются ежегодно 12 сентября — День основания города и 16 сентября - День разгрома немецко-фашистских войск у стен Новороссийска в годы Великой Отечественной войны.

История Новороссийска

Считается, что первые люди обосновались в окрестностях **Новороссийска** ещё в эпоху палеолита. В VI веке до н. э. — на берегах Цемесской бухты жили синды. Их основным занятием было земледелие, ремёсла и торговля с греками.

В [V веке до н. э.](#) — возникает государство синдов .

В [V веке до н. э.](#) — на месте современного Новороссийска возникает город Бата — пограничный город Боспорского царства со столицей в Пантикапее (ныне Керчь). Бата — торговый греческий город, торговал в основном зерном и рыбой. Следы античных поселений сохранились на Малой Земле, во Владимировке и Широкой балке.

Во [II веке до н. э.](#) — Бата разрушена кочевниками — аланами. Нашествие кочевников приостановило развитие цивилизации на берегу Цемесской бухты.

В это же время образуются племена адыгов. Адыги дают современное название Цемесской бухте, от названия реки Цемес («циэ» — много насекомых, «мэзы» — лес). Адыгов притесняли хазары, половцы, монголы. В [XIII веке](#) — Цемесская бухта принадлежали Золотой Орде. В устье реки Цемес построена крепость Батариио. Крепость возвели генуэзцы, которые контролировали торговые пути между западом и востоком в то время. Крепость предназначалась для обороны от адыгов и до наших дней не уцелела.

В [1453](#) — Турки-османы взяли Константинополь и Тамань. Цемесская бухта перешли в турецкие владения. Нынешняя территория Новороссийска оставалась под властью турок до [XVII века](#) [1722](#) — турки, предвидя войну с Россией, укрепляют оборону черноморского побережья. В районе Новороссийска построена крепость Суджук Кале, её гарнизон насчитывал 400 янычар.

[1771](#) — русские завладели Крымом, турки укрепляют Суджук.

[1773](#) — русские войска разгромили турок в Цемесской бухте.

[1773—1784](#) — Суджук — главная база флота Турции.

[1784](#) — турки перебрались в Анапу. Крепость Суджук утратила боевое назначение.

[1791](#) — русские завоевали Суджук.

[1812](#) — русские взорвали стены крепости, после чего турки уже никогда её не восстанавливали.

[1829](#) — по Андрианопольскому мирному договору территория Цемесской бухты окончательно перешла от Турции к России, фактически эту территорию контролировали горцы.

1834 — генерал Н.Н.Раевский, побывав в Кабардинке, решает строить в Цемесской бухте базу Черноморского флота.

[1838](#), сентябрь — в Санкт-Петербурге получено разрешение на строительство укрепления.

[1838](#), 12 сентября — корабли российской эскадры вошли в Цемесскую бухту. 5816 человек под командованием Раевского и Лазарева высадились на развалины турецкой крепости. В Новороссийске началось строительство фортов и блокгаузов.

Рождение Новороссийска связано с победой России в войне с Турцией (1828-29г.) Тогда на берег Цемесской бухты высадился первый десант во главе с вице-адмиралом М.П. Лазаревым и генерал-лейтенантом Н.Н. Раевским. Они и заложили на этом месте город. За свою недолгую историю Новороссийск разрушался до основания три раза. Первый — во время войны 1853-57 годов, второй - во

время гражданской войны 17 – 19 годов и третий – во время Великой Отечественной. В результате последней войны Новороссийск был признан городом-героем.

Развитие экономики Новороссийска было связано с притоком иностранного капитала. Уже тогда крупный порт, он заинтересовал французов, создавших компанию, занимающуюся перевозкой зерна. Первый же Нефтепорт был основан в середине 20 века.

В Истории этого приморского города была «Новороссийская республика» -революционно-демократическая диктатура рабочих, установленная Советом рабочих депутатов в Новороссийске. Просуществовала недолго (12-25 декабря 1905 года) После чего была восстановлена законная власть.

Во время гражданской войны город являлся последним оплотом белого движения. Отсюда шла волна эмиграции.

Великая Отечественная Война внесла свои страницы в историю города. Новороссийская операция – 19.9 26.9.1942 сов. войска Новороссийского оборонительного района в героических боях остановили превосходящие силы противника – 17 германской армии в юго-восточной части Новороссийска и не допустили их прорыва в Туапсе.

"Новороссийско-таманская операция" 10.9- 9.10.1943. Сов. войска Сев-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским фронтом нанесли поражение 17 армии фашистской Германии, прорвав так называемую «Голубую линию» обороны противника и освободили Таманский полуостров.

Новороссийск является одним из крупнейших городов Краснодарского края и самым крупным торговым портом на юге России. Основан в 1838 году.

Общая характеристика

Новороссийск расположен в Цемесской бухте, которая считается наиболее удобной на Черном море. Бухта имеет длину 15 км. и ширину от 2 до 9 км. Незамерзающий порт с большими глубинами, что позволяет принимать океанские суда с большим водоизмещением.

Цемесская бухта разделяет город на восточную (индустриальный район) и западную части. На северо-западе и юго-западе Новороссийск окружен горами. Граничит он в западной части с городом-курортом Анапа, в восточной части с г. Геленджиком, в северной части - с К

Руководители местного самоуправления

1896—1898 — Михаил Федорович Пенчул
1898—1901 — Поликарп Константинович Броверман
1901—1905 — Алексей Андреевич Никулин
1906—1916 — Петр Корнилиевич Калинин
1916—1917 — Михаил Елисеевич Певунов
1917 — Сергей Михайлович Афиногенов

Главы администрации города Новороссийска

1986—1991 — Николай Фёдорович Хворостянский
1992 — Георгий Васильевич Хоботов
1992—2002 — Валерий Георгиевич Прохоренко
2003—2016 — Владимир Ильич Синяговский
с 2016 — Игорь Алексеевич Дяченко

Исторический Новороссийск

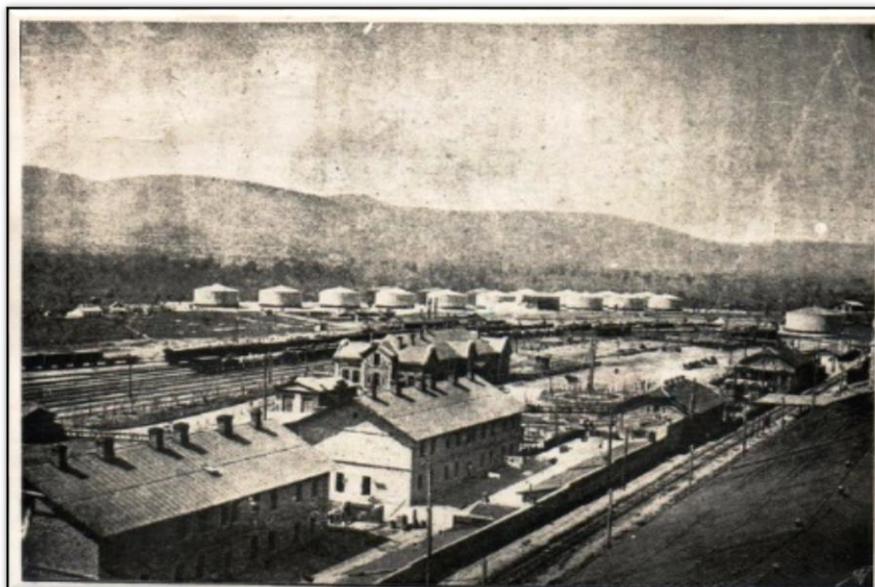
В Новороссийске есть французские кварталы, находятся они в районе «Стандарт». Сейчас эта часть города считается не очень респектабельной. А вот 150 лет назад — это был центр города. Воз-

ник он между портом и вокзалом и примыкал к району расположения цементного завода. В те времена называли его «Французский городок», «Французская колония «Стандарт» - до наших дней сохранилось только «Стандарт». «Русский стандарт». В 1879 году американский предприниматель Герберт Тведль купил участок земли в районе северо-восточного склона Маркотхского хребта. Там начал строить нефтеперегонный завод и пристань для

загрузки судов нефтепродуктами. Собственных средств у него не хватило, и бизнесмен привлек французских финансистов. Так создалось французское нефтепромышленное общество «Русский стандарт». Все права на нефтедобычу передавались обществу, а Тведль стал техническим директором. К 1882 году нефтеперегонный завод был построен. И тут обнаруживаются интересные подробности: параллельно с официальной работой Тведль тайком сбывал керосин как в России, так и за рубежом. Французское правление общества узнало о махинациях. После конфликта, в 1883 году получив от

компании 200 000 рублей (по тем меркам очень хорошие деньги), Тведль сложил с себя полномочия и уехал из Новороссийска. Преемником Тведля стало французское общество «Русский Стандарт». Строительство района одновременно со строительством нефтеперегонного завода, началось строительство порта и проведение железной дороги в Новороссийск. В город стал приезжать рабочий и коммерческий люд. Началась обширная программа по

строительству городка жилых домов на «зацемесской стороне», не включенной в черту Новороссийска. В «новомгороде» жилые дома сдают в наем. Район называют «Стандарт», и он по тем меркам

был благоустроеннее, чем остальной Новороссийск. Сейчас многочисленные пристройки изуродовали район, но по некоторым сохранившимся зданиям можно понять о былой привлекательности и светской жизни на Стандарте. Здесь в начале XX века располагались две достопримечательности — Троице-скорбященский храм и «Сад на Стандарте» (Французский сад). Последнее место было чрезвычайно модным. Здесь можно было бродить по тенистым аллеям, а няни прогуливались с детьми и любовались фонтаном. В саду же находилось самое высокое и красивое здание Стандарта — Второе Новороссийское Общественное собрание. Здесь работал кинематограф «Мон-Плезир». Утром в нем показывали кино для детей, а вечером — для взрослых. Первый кинотеатр в Новороссийске появился в 1897 году. Открыл его предприимчивый рижский мещанин Альвин Гуцман. Кинематограф Гуцмана располагался на Стандарте на улице Вокзальной, ныне Элеваторной. Улица Садовая, ныне Первомайская, была одной из главных на Стандарте. Она начиналась от Троице-скорбященского храма, пересекала Пушкинскую и Французскую улицы и упиралась в Горную. Во время Великой Отечественной войны, 25 апреля 1943 года, была страшная бомбежка. Снаряд попал прямо в купол храма, который обвалился во время налета, накрыв под собой более тысячи прихожан. Они пришли сюда в светлое Пасхальное воскресенье, и все погибли под обломками стен и куполов. Стандарту принадлежит и известный тоннель. Он был построен в 1900 году, и считается гордостью Новороссийска. Тоннель служил мостовой опорой пути, по которому ходил железнодорожный состав в сторону чугунолитейных заводов. Бы-

лая роскошь. Все справочники и путеводители того времени отмечали обустроенность Стандарта. Отмечали широкие мощные улицы, много красивых домов. Дома стояли кирпичные и каменные, крытые черепицей или железом. Приезжих удивляла чистота и аккуратная планировка улиц. Улица Французская (современная Робеспьера) была весьма оживленной. На ней находились германское и английское консульства, почтово-телеграфная контора, хлебная контора братьев Дю-

мортье, управление Начальника Новороссийского округа, окружная больница на 8 кроватей, ресторан «Союз», кондитерская Кер-Оглы. Сейчас от той красоты осталось пару домов: на улице Тихоступа (дома №3, 12, 18, 20), на Элеваторной (№13 и 17), на Первомайской (№ 4 и 8).

Информация взята из газеты «Наша Газета». Новороссийск. Галина Тетерина

Сергей Шило

Новороссийск после Крымской войны

Положение о заселении. Управление Черноморским округом.

Первые поселенцы.

Во время Крымской войны Новороссийск был уничтожен. Жители ушли, взорвав своими руками, немногие уцелевшие здания и постройки. 18 марта 1856 года в Париже был подписан мирный договор, завершивший Крымскую войну и перечеркнувший два десятилетия упорного труда по освоению и закреплению за Россией Черноморского побережья. Черноморская береговая линия и города перестали существовать.

Россию, проигравшую войну коалиции европейских государств, обязывали по договору не иметь крупных городов, arsenалов и военный флот на Черном море.

На развалинах города обосновался со своим отрядом черкесский князь Сефер-бей. Геленджик был занят сводным польско - венгерско-черкесским отрядом [1].

В этих условиях, при непрекращающейся Кавказской войне, всё нужно было строить заново. Правительство Александра II решает восстановить влияние на Черноморском побережье Кавказа. С помощью создания системы военных укреплений, проведения дорог к каждому из них и заселения этого края казаками командование войск надеялось решить поставленную перед ним задачу - освоение Закубанского края. Для этого создаются 9 отрядов. Из них главным по силе и значению был Адагумский отряд, штаб отряда возглавлял полковник П.Д. Бабыч.

Успешные действия этого отряда в 1856 году позволили выбить горцев из Анапы и Новороссийска, а в 1857 году и из Геленджика.

В этом же году было положено основание Адагумской кордонной линии. На следующий год, как и двадцать лет назад, в Цемесскую бухту вошли корабли Черноморского флота. Высаженный на берег близ устья реки Цемес десант приступил к строительству Константиновского укрепления.

Это было последнее поселение в целой системе военных укреплений, начавших строиться на передовой линии Кубанской области от Черного моря до Екатеринодара.

Укрепления строились под непосредственным руководством наказного атамана Черноморского казачьего войска Г.И. Филипсона, назначенного в 1858 году командующим войсками правого крыла Кавказской линии.

8 сентября 1859 года П.Д. Бабыча, произведенного в генерал-майоры, назначают командиром Адагумского отряда. Единственным населением этих мест пока были солдаты строящихся укреплений, непрерывно подвергающихся нападениям горцев.

Умелое ведение военных действий и мудрая деятельность позволили Г.И. Филипсону заключить мирные договоры со многими черкесскими племенами. В 1859 году прекращают борьбу и выражают покорность абадзеи, в 1860 - натухайцы. Основные военные действия в районе Адагумской кордонной линии были закончены.

В этом же году 29 февраля было утверждено образование Натухайского округа с центром в Константиновском (Новороссийск) укреплении, а 31 марта 1860 года ИМЕННЫМ ВЫСОЧАЙШИМ УКАЗОМ были упразднены города Анапа и Новороссийск.

Вновь образованный округ состоял из укреплений Нижне-Адагумского, Варениковского, Гостагаевского, форта Раевского, укреплений Анапа, Константиновского, Неберджаевского, Крымского. От Крымского укрепления кордонная линия шла далее к укреплениям Лабинского округа.

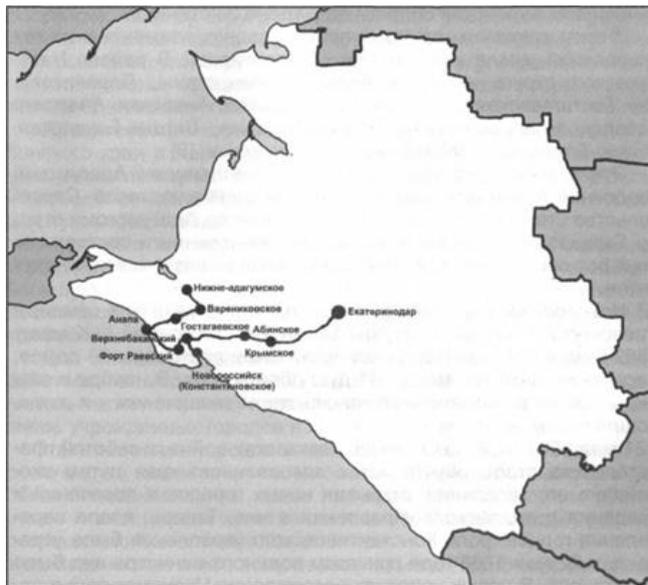
Для освоения и заселения Черноморского побережья правительство привлекает казаков. Но казаки не горели желанием селиться в этой нехлебоборобной местности, где не было привольных степей и богатых нив, а вместо чернозема кругом был лишь серый камень, да малярийные болота и плавни. Охотников находилось немного и приходилось силой переселять казаков Азовского и Кубанского казачьего войска. Это вызывало большое недовольство. Дело переселения чуть не зашло в тупик, и только личное присутствие императора Александра II, прибывшего в Кубанский край в сентябре 1861 года для улаживания «казачьего вопроса», повлияло на исход предприятия. Договорившись с каза-

ками, император осмотрел Адагумскую кордонную линию и отплыл на пароходе «Тигр» вдоль восточного берега [2]. А в следующем 1862 году 10 мая было ВЫСОЧАЙШЕ утверждено «Положение о заселении предгорий западной части Кавказа казаками», в котором перечислялись даруемые переселенцам льготы.

Кроме денежных пособий, переселенцы получали право приобретать землю в собственность, а после окончания службы - выходить из казачьего сословия и продавать свою землю иногородним.

25 июля 1862 года был издан приказ по Кавказской армии №332, в котором говорилось, что «в нынешнем году на передовых линиях Кубанской области водворено 25 станиц».

И этим приказом станицам присваивались наименования тех укреплений, возле которых они располагались. В районе Натухаевского округа водворено было 12 таких станиц: Варениковская, Гостагаевская, Раевская, Натухаевская, Анапская, Анапский поселок, Новороссийская, Благовещенская, Верхне-Баканская, Нижне-Баканская, Неберджаевская, Крымская [3].

Эти станицы строились рядом с укреплениями Адагумской кордонной линии для защиты их от нападения черкесов. Строительство станиц и проведение дорог вменяли Адагумскому отряду. Гарнизоны укреплений были немногочисленны и состояли из двух рот солдат, да казаков численностью от пятидесяти до двух сотен.

В Новороссийскую станицу переселили 100 казачьих семей, в Раевскую 220 семей, в Верхне-Баканскую 150 семей. К концу 1862 года в станице Новороссийской были построены 89 домов, населения насчитывалось 511 душ обоего пола. В ноябре в станицы были назначенные начальством священники - и жизнь пошла своим чередом.

21 мая 1864 года закончилась Кавказская война, и заботой правительства стало обустройство завоеванного края путем скорейшего его заселения, открытия новых городов и поселений и введения гражданского управления в них. Теперь, после переселения горцев, роль Константиновского укрепления была утрачена, и 22 мая 1866 года приказом военного министра оно было упразднено. В новых условиях возрождения Черноморских городов терялся смысл развития казачьей станицы Новороссийской, которая так же упразднялась, а жители из казаков причислялись к мещанскому сословию.

Положение о заселении.

10 марта 1866 года было ВЫСОЧАЙШЕ утверждено «Положение о заселении Черноморского округа и управления оным», в котором говорилось: «На северо-восточном берегу Чёрного моря учреждаются портовые города Анапа и Новороссийск». Этим же указом определялось и создание, в порядке общего гражданского управления, особого Черноморского округа с центром в Новороссийске. Новому округу утвердили штат управления. Предписывалось также находиться в Новороссийске начальнику Черноморского округа, окружному прокурору и суду. Именно с этого года начинается официальное возрождение нашего города и освоение близлежащих земель.

Правительство хорошо понимало перспективы освоения Кубанского края и Черноморского побережья: строительство городов, открытие портов и развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности. Прежде всего, для выполнения всех этих задач нужны были люди.

Заселение этих мест шло крайне медленно, поэтому освоение нового края не получало нужного развития. Этот факт вызывал большую озабоченность правительства, которое разрешило переселяться в Кубанский край всем иностранцам христианских конфессий.

Для скорейшего заселения прибрежной местности были задействованы многочисленные льготы и преимущества. Определялось также, кто имел право вступать в состояние обывателей вновь учрежденных городов и кто такого права не имел.

Стать жителями городов и сельскими поселенцами Черноморского округа могли лица «всех сословий Империи, имеющие по общим постановлениям право причисляться к городским обществам и иностранцы христианских исповеданий каждый раз по разрешению Наместника Кавказского».

Указ перечислял и тех, кому переселяться в Черноморский округ воспрещалось, таковыми считались лица:

1. Исключенные общественными приговорами из среды своих обществ.
2. Изобличенные по суду в злонамеренном банкротстве.
3. Понесшие по суду приговорами наказания, уголовные и исправительные, соединенные с лишением всех прав состояния.
4. Все состоящие под следствием, судом и надзором полиции по политическим делам.
5. Все состоящие под уголовным следствием и судом вообще.
6. Последователям сект скопцов* и бегунов**.
7. Далее оговаривалось, что «хотя и могут приписываться к сим городам, но не иначе как с соблюдением установленных условий»:
8. Лица, на коих числится казённая или общественная недоимка, пока не будет очищена или сложена.
9. Рабочие фабрик, заводов и других промышленных заведений, а также мастеровые, обязанные контрактами, впредь до окончания срока обязательства.
10. Государственные крестьяне, переселенные за счет сумм правительства.
11. Состоящие на рекрутской очереди.
12. Временно-обязанные и удельные крестьяне, пока не получают надлежащего на переселение их согласия общества, а временно-обязанные крестьяне - согласия помещиков].

Так же четко «Положение» определяло переселенцев сельской местности, «в состоянии сельских обывателей Черноморских прибрежных поселений могут вступать»:

1. Получившие отставку и бессрочно отпускные чины, а также чернозаводские чины или рабочие с их семьями.
2. Лица всех сословий Империи, имеющие право вступать в число членов сельских обществ.
3. Иностранцы христианских исповеданий поселенцы по-особому каждый раз разрешению Наместника Кавказского.

Желающим приписаться к учреждаемым городам и сельским поселениям нужно было подать просьбу на имя начальника Черноморского Округа и представить увольнительные свидетельства о неимении законных препятствий к переселению. Начальнику Черноморского Округа рекомендовалось принимать все вообще заявления и просьбы на переселение даже без увольнительных свидетельств.

Всем переселенцам без различия сословий, к которым они прежде принадлежали, по прибытии на место бесплатно отводились места для устройства домов и других хозяйственных построек, а также лесные и строительные материалы, такие как камень, песок, известь, также безденежно дозволялось добывать строительный материал по своему усмотрению.

Кроме этого переселенцы получали на первоначальное обзаведение и устройство жилищ в случае отпуска леса по 20 рублей, без леса - по 35 рублей на каждое семейство [6].

Бесплатный отвод мест производился в течении шести лет со дня утверждения «положения», но оговаривались и другие условия, так, например, «одному и тому же лицу, или семейству, более одного места бесплатно не отводить; кто же пожелает иметь более мест, тот может получить таковые за установленную

* Скопцы - секта христиан, возникла в царской России в XVIII века, насчитывала около 6000 членов, главным образом, в Тамбовской, Курской, Орловской губерниях.

** Бегуны - одно из без поповских направлений старообрядчества, возникло в 1772 году в Ярославской губернии. Члены сект преследовались государством.

Одна квадратная сажень земли продавалась желающим за 10 копеек. В те годы килограмм говядины или баранины стоил 15 копеек, килограмм пшеничной муки 8-10 копеек. Такую землю, купленную за деньги, называли посаженной.

Отвод мест на земле для частных построек разрешал начальник Черноморского Округа согласно подаваемым ему заявлениям. О каждом отводе давалось знать полиции и городскому архитектору, который делал отвод земли в городе, в сельской местности это делал староста. Каждый, кто получил землю бесплатно или с платою посаженных денег, был обязан в течении 3-х лет построить на ней дом по утвержденному опять же начальником Черноморского округа фасадом. В противном случае незастроенные в трехгодичный срок места продавались с аукциона, а средства поступали в собственность казны. В сельской местности срок увеличивался до 10 лет. Правило это относилось как к даровой, так и к покупной земле [7]. «Положение о заселении» давало переселенцам широчайшие льготы. Переселенцы освобождались от крепостных, канцелярских, гербовых пошлин, а также от употребления гербовой

бумаги, как по судопроизводству, так и по делам и актам всякого рода. Разрешалось производить свободно без всякого платежа акциза рыбный промысел в водах Черного моря, а также на всём пространстве берега в пределах округа устраивать свои заведения, жиротопни и прочее. Торговым людям разрешалось производить торговлю и промыслы не только в Черноморском округе, но и в пределах всей Кубанской области. Сверх того - предоставлялась льгота на вывоз за границу всякого рода товаров, а также - выписывать товары к ввозу дозволенные. Разрешалось содержать склады для оптовой продажи и для всякого различного мелкого торга, устраивать фабричные, заводские и ремесленные конторы. Все вышеперечисленные действия совершались по льготным свидетельствам без платежа пошлин. Поселенцы освобождались не только от пошлин, платежей и податей, но и от натуральной рекрутской повинности в течение всего льготного времени. Льготное время вводилось со дня утверждения «Положения» и действовало в течение 15 лет, то есть до 1 января 1881 года. Правительство сделало все от него зависящее для привлечения в эти края колонистов. Но, несмотря на правительственные льготы, массового переселения не последовало.

Взамен же переселенцы должны были жить и выполнять возложенные государством задачи экономического преуспевания края, формируемые по политическим, государственным, историческим и экономическим соображениям. А также обороны края, развития культуры, морского могущества, садоводства, виноделия, рыболовства, земледелия» [8].

Суровая действительность порою резко отличалась от бумажных привилегий, в которых говорилось: «На этом же берегу пространство от морского берега до вершин главного Кавказского хребта предназначается для сельских гражданских поселений». В жизни же всё было совсем по-другому.

Земли Черноморского побережья стали раздаваться как вознаграждение за доблестные военные подвиги участникам покорения Кавказа из лиц военного и гражданского ведомства.

А с 1871 года земли на Кавказе стали продаваться всем желающим. Крупные капиталисты Москвы и Петербурга приобрели 50 000 десятин земли. Стали даже создаваться товарищества с целью приобретения на Кавказе земли, которым было отказано в этом на основании, что предполагалось отдать барону Таубе 600 000 десятин в долине Эльдар бесплатно - с обязательством образовать общество для ирригации долины [9].

Подобным образом в военное ведомство было передано для раздачи по жалованиям 23000 десятин. В распоряжение закавказской лотереи с благотворительной целью выделено 2000 десятин. Пожаловано разным лицам 26 264 десятины и отведено также разным лицам на основании устава о горном и сельском хозяйстве 6 784 десятины.

То же самое происходило и в окрестностях Новороссийска. Все земли, находящиеся на северо-восточной стороне Цемесской бухты, были переданы генералам. До сих пор у одной из частей города сохранилось её старинное название - балка Адамовича. Когда-то эта местность была частной собственностью генерала от артиллерии Леонида Ефремовича Адамовича, жившего в Петербурге. На всех городских картах тех лет этот район так и обозначался - «земля генерала Адамовича».

Самые лучшие и ровные земли, расположенные в долинах, были розданы задолго до окончания «льготного времени». Простым переселенцам-крестьянам доставались участки в сильно пересеченной местности, каменистые или заболоченные и малопригодные к земледелию. Заселение Черноморского побережья шло крайне медленно; нездоровая местность, в которой обычно размещали прибывших на поселение, несла им прежде всего большую болезненность и смертность. В новой и непривычной местности поселенцы были предоставлены самим себе. В таких условиях об успешной колонизации и развитии края не могло быть и речи.

«В порядке общего гражданского управления учрежденные города и прибрежные поселения впредь до их устройства подчинялись начальнику Кубанской области и причислялись к составу земель Закавказского края»].

10 марта 1866 года были утверждены должности чиновников вновь образованного округа. Штат состоял из общего и частного управления, четко оговаривались должности, жалование, столовые, квартирные, класс должности, а также разряды шитья на мундире и пенсии.

По общему управлению числились начальник Черноморского округа и его канцелярия. Она состояла из правителя, 2-х делопроизводителей, приходо-расходчика и бухгалтера в одном лице. К общему управлению относился и Черноморский окружной суд, состоящий из председателя, 2-х членов суда, секретаря и 2-х делопроизводителей, и прокурорский надзор, а также чиновник особых поручений, агроном, медик, ревизор, ветеринарный врач, инженер путей сообщения, архитектор и землемер.

По частному управлению числилась городская полиция городов Анапы и Новороссийска, состоявшая в каждом городе из полицмейстера и следственно-исполнительного пристава, а также секретаря и 2-х делопроизводителей.

Относилось к частному управлению и попечительство о Черноморских прибрежных поселениях. В каждом из учрежденных трёх попечительских отделений было по одному попечителю и письмоводителю.

Всего управление Черноморского округа состояло из 35 чиновников, на содержание которых в год тратилось из казны 46 рублей. Так, начальник Черноморского округа получал жалования 2000 рублей, да ещё по 1500 рублей столовых и квартирных. Председатель суда - 1500 рублей жалования и 1000 рублей квартирных и столовых, полицмейстер - 1000 рублей и 560 рублей квартирных и столовых.

Попечитель прибрежных поселений получал жалования 1500 рублей и 500 рублей столовых, а квартира предоставлялась натурою, окружной прокурор - 1000 рублей и 560 столовых и квартирных. В общем, чиновники управления получали очень хорошее содержание, и даже письмоводитель имел жало-

вание 1040 рублей в год. В то время это были большие деньги, совершенно недоступные простому рабочему и крестьянину, которые получали в год от 60 до 120 рублей. Исчис-

ленные по настоящему штату расходы производились за счет местных доходов Закавказского края [11].

Первым начальником Черноморского округа был назначен генерал-майор Дмитрий Васильевич Пилленко, председателем окружного суда по распоряжению Наместника Кавказского стал коллежский советник Иван Яковлевич Голубов, членами суда - коллежский советник Држевица - Ковач и надворный советник Арциховский, секретарем - коллежский асессор Павел Васильевич Бобрицкий.

Первым полицмейстером города стал Вячеслав Павлович Шереховский, секретарем полиции - Иван Макеевич Осадчий. [12]. Окружным агрономом в 1867 году был приглашен чех Федор Иванович Гейдук. Попечителем Черноморских прибрежных поселений - Николай Егорович Никифораки.

История трамвая

Торжественное открытие первой трамвайной линии в Новороссийске состоялось 30 мая 1934 года при большом стечении народа в присутствии тогдашнего руководства города — первого секретаря горкома ВКП(б) Алейникова и председателя горсовета Захарова. На следующий день, 31 мая, трамвай начал работать. На линии ходили доставленные в город по морю вагоны Мытищинского вагоностроительного завода — шесть моторных типа Х (№№1-6) и три прицепных типа М (№№01-03).

Трамвайная линия пересекла вторую часть города от цементных заводов до железной дороги. В первоначальном варианте двухпутный участок шёл к центру города по Сухумскому шоссе от цементного завода «Пролетарий» (на конечной был оборудован разъезд, заканчивавшийся тупиком) и после преодоления достаточно крутого подъёма выходил на стыкующуюся с шоссе под острым углом улицу Татьянинскую (вскоре переименованную в Куйбышева) возле Дома Ударника (трёхэтажный П-образный в плане жилой дом для стахановцев-цементников). Строительство трамвая на этом участке оказалось, пожалуй, самым сложным — пересекающую склон горы улицу перерезали спускающиеся с гор многочисленные овраги-балки, по которым во время дождей и таяния снега к морю устремлялись потоки воды. Чтобы спрямить профиль пути, все балки в местах прохождения трамвая пришлось засыпать и организовать пропуск воды через трубы, а через одну из них пришлось даже перекинуть небольшой мост. По улице Куйбышева линия шла до трамвайного депо, которое располагалось в квартале, ограниченном улицами Куйбышева, Рабочей, Судостальской и Ревельской. Здесь же располагалось и управление Гортрамвая, имевшее адрес: улица Судостальская, дом №3. Пройдя по Куйбышева вдоль забора депо, трамвай сворачивал на улицу Рабочую и спускался по ней вдоль другого забора к Судостальской (на углу Рабочей и Судостальской находились въездные ворота в депо). В депо с восточной ветви линии вела единственная на всей системе левая стрелка (все остальные были правыми), которая имела ручное управление, напоминая этим железнодорожные. В обычное время по линии курсировали одиночные моторные вагоны, к которым в пиковое время цепляли прицепные.

Но если одиночный вагон в непиковое время вдруг оказывался переполнен пассажирами, то, следуя мимо депо, он мог заехать туда прямо с пассажирами, чтобы взять прицеп и разместить их с большим комфортом. После депо следовал поворот направо на Судостальскую, по которой трамвай шёл в западном направлении до так называемой Нефтяной балки — незастроенного жилыми строениями участка промзоны, где располагалось нефтехранилище (ныне это самый западный участок улицы Судостальской). После улицы Судостальской линия становилась однопутной и поворачивала налево на улицу Сакко и Ванцетти, упиравшуюся в портовые подъездные пути. Перед железнодорожными рельсами трамвайные пути расходились. Идущий от «Пролетария» трамвай сворачивал направо на улицу Пролетарскую. Пройдя по ней три квартала с небольшим подъёмом и миновав перекрёстки с улицами Робеспьера и Пушкинской, однопутная линия поворачивала налево на улицу Ремесленную (Михаила Борисова) и, миновав перекрёсток с короткой улицей Лермонтова, на следующем квартале после достаточно крутого спуска делала левый поворот на улицу Почтовую (Тихоступа). По ней трамвай возвращался обратно к улице Сакко и Ванцетти, где располагалась его официальная конечная остановка «Интерклуб». И хотя Интерклуб (впоследствии — Клуб имени Сталина) находился в портовой зоне, на весьма порядочном удалении от этого места, его, видимо, сочли единственным достойным упоминания объектом, хотя с таким же успехом конечную можно было бы назвать «Железнодорожный вокзал», благо до него было даже несколько ближе, или «Шиферный завод „Коммунар“», проходная которого находилась совсем рядом с трамвайной линией. Три квартала, огибаемые

трамвайной линией и состоявшие по большей части из элитных по тем временам ведомственных жилых домов, возведённых в 20-30-е годы, вскоре получили в городе прозвище «Трамвайка». В дальнейшем же словом «трамвайка» уже с маленькой буквы начали называть сам трамвай, и это название в женском роде сохранялось за новороссийским трамваем в обиходе всё время его существования.

Уже вскоре после завершения строительства трамвая систему начали дорабатывать и по возможности развивать. Столь растянутое по времени строительство объяснялось тем, что НоворЭС ещё сразу не могла давать городу столько электроэнергии и приходилось ожидать ввода в эксплуатацию её новых мощностей. В городе даже в центре в те годы почти отсутствовало электрическое уличное освещение, и поэтому вечерние митинги по случаю ли выборов в Верховный Совет, разоблачения ли очередных «врагов народа» проводились при свете факелов. Не было также средств на продолжение строительства двухпутных линий, поэтому началась достройка однопутных участков, что впоследствии сыграло роковую роль в судьбе новороссийского трамвая.

Примерно в 1936 году линия на востоке была продлена уже в однопутном варианте по Сухумскому шоссе на восток от цементного завода «Пролетарий» мимо НоворЭСа, где устроили разъезд, до аналогичного по профилю завода «Октябрь». Несколько позднее однопутную линию провели наверх, к рабочей окраине города Мефодиевке, превратив пути на Пролетарской, Ремесленной и Почтовой в большой разъезд. От угла улицы Почтовой однопутная линия пошла по Ремесленной до улицы Элеваторной (Жданова), где поворачивала направо. После непродолжительного прямого участка вдоль забора элеватора линия на перекрёстке улиц Элеваторной и Аршинцева поворачивала под небольшим углом направо на подходящую к перекрёстку наискосок улицу Молотова (Шаумяна), по которой преодолевала достаточно крутой подъём и шла мимо Мефодиевского рынка, где был разъезд, до Т-образного перекрёстка с улицей Шоссейной (Васенко).

По некоторым данным, примерно в 1937-1938 годах с большей части улицы Судостальской трамвай решили убрать. Взамен рельсы легли на улице Куйбышева уже на всём её протяжении, а выезд к Нефтяной балке стал производиться по улице Пограничной. Линия по улице Рабочей стала чисто служебной. Продление трамвая по улице Куйбышева заставило продолжить засыпку перерезающих путь балок. На пересечении с улицей Поперечной балка оказалась так глубока, что через неё пришлось построить железобетонный мост.

За 1939 год новороссийский трамвай перевёз 5 072 400 пассажиров. В тот же год в трамвайном депо появилось второе крытое место для обслуживания подвижного состава. К этому времени линия в восточной части Новороссийска сложилась как вполне продуманная транспортная система (в условиях своей практически полной безальтернативности, так как уже появившиеся в городе автобусы погоды не делали), охватывающая все крупные предприятия этой части города и по возможности места массового проживания их рабочих. Наличие трамвая приняли во внимание и при проектировании местного очага культуры: возле трамвайной линии между цементными заводами, рядом с НоворЭС был построен ведомственный Дворец Цементников. Открытие намечалось на конец июня 1941 года, но из-за начала войны торжественная церемония не состоялась, а само здание было сильно разрушено во время войны и оставлено в таком виде как памятник.

Перед самой войной, в 1940 году, была построена трамвайная линия и в первой части Новороссийска — от рынка до Станички. Провести линию напрямую мешал очень крутой подъём, который напрямую трамвай преодолеть не мог, поэтому линия пошла по городу зигзагами по тем улицам, которые позволяли обойти возвышенность. От рынка рельсы поднимались в гору по улице Колхозной (Бирюзова), затем поворачивали на юг на улицу Коминтерна (Победы), следуя по восточной стороне бульвара, и снова брали направление под уклон к морю по северной стороне бульвара улицы Новороссийской Республики. Прохождение по той или иной стороне бульваров диктовалось прежде всего тем, что на выбранных участках проезжая часть была ниже, чем на тех, что находились на другой стороне улицы. При строительстве рельеф постарались ещё более сгладить, и следы этого остались заметны и в XXI веке. Не дойдя до набережной, линия снова сворачивала к югу и поднималась в гору по улице Губернского (по мнению некоторых литературоведов, название именно новороссийской улицы использовали бывавшие в городе Илья Ильф и Евгений Петров для названия главной улицы в уездном городе N, где началось действие романа «Двенадцать стульев»), где был не такой крутой уклон, как в других местах. Затем шёл поворот от моря и новый подъём по улице Театральной (Новороссийских Партизан), а на следующем квартале — новый поворот налево и спуск в южном направлении по улице Карла Маркса. В конце улицы линия выходила на угол набережной. Данное обстоятельство привело к тому, что трамвайное сообщение стало сильно зависеть от погодных условий — часто норд-осты приводили к прерыванию движения по линии. На городских партконференциях и

пленумах горкома регулярно ставился вопрос о переносе трамвая с набережной на более безопасную трассу, но выправить это уже не успели. После прохождения пляжа трамвай сворачивал направо и поднимался в гору по улице Толстого, а затем поворачивал налево на улицу Лейтенанта Шмидта. Однопутная линия заканчивалась на границе города и рыбацкого посёлка Станичка, где на углу улиц Лейтенанта Шмидта и Свердлова, на месте современного начала проспекта Ленина, было организовано небольшое трамвайное депо.

Протяжённость новой линии составила 3,6 км., а обслуживало её 4 моторных вагона. Судя по сохранившимся статистическим документам новороссийского трамвая, в год пуска второй линии парк вагонов увеличился только на одну единицу подвижного состава, так что остаётся предположить только уже в сентябре 1943 года в Новороссийск командировали группу трамвайщиков из Краснодара. Однако дело оказалось весьма сложным, и только после четырёхлетнего перерыва, 10 августа 1946 года, снова открылось трамвайное движение от Мефодиевки до цементного завода «Пролетарий». По Сухумскому шоссе от улицы Куйбышева до «Пролетария» линия стала однопутной. Протяжённость восстановленного пути составила 8400 метров (оставшиеся полкилометра до цементного завода «Октябрь» восстановить тогда не успели). До конца своих дней линия так и осталась значительной частью однопутной с двухпутным участком в середине и четырьмя разъездами. Для работы были восстановлены три моторных и три прицепных трамвайных вагона.

Линия при срочном восстановлении (в документах особо подчёркивали, что восстановление носило временный характер) была сшита, что называется, на живую нитку. Первый месяц двухпутные участки ещё не действовали, и на линии работали два поезда (третий стоял в резерве), ходившие гуськом друг за другом. В декабре 1946 года трамвай снова остановился — двенадцать дней устраняли последствия очередного норд-оста, а затем два дня не давала тока электростанция. Неудивительно, что при таких простоях и таком режиме движения за 1946 год трамвай сумел перевезти только 722 тысячи пассажиров против 1 миллиона 110 тысяч запланированных. Неделки, допущенные при поспешном восстановлении, усугублённые сложным профилем трассы и сильными атмосферными осадками, систематически размывавшими пути на улице Куйбышева, привели к тому, что очень скоро путевое хозяйство пришло в негодность, и 25 ноября 1947 года движение трамваев опять было приостановлено. Из-за этого пришлось уволить часть персонала, а другую перевести в путевые рабочие. Были приняты меры по скорейшему восстановлению линии методом «народной стройки». На некоторых улицах для восстановления использовали поступившие по репарациям из побеждённой Германии рельсы на металлических шпалах. Открытие намечалось на 1 апреля 1948 года, но к сроку не успели, и трамвай возобновил работу только 10 июля, и то лишь на участке НоворЭС — улица Почтовая (улица ещё с 19 ноября 1943 года стала носить имя А.М. Тихоступа — подполковника, начальника политотдела 318-й стрелковой дивизии, погибшего в сентябре 1943 года в боях за Новороссийск, но переименование ещё плохо утвердилось в сознании составителей документа). Двухпутный участок к открытию ввести в строй вновь не успели, и до октября движение по полностью однопутной линии производили лишь два моторных вагона. В ноябре того же года трамвай начал полноценную работу на полностью восстановленном участке НоворЭС — Мефодиевка. За время вынужденного простоя трамвайщики успели восстановить ещё один моторный вагон X, после чего стало возможно выпускать на линию уже по три поезда. В итоге и план 1948 года, составленный без учёта полугодового простоя, выполнить также не смогли — при задании на перевозку за год 2 млн. 265 тыс. пассажиров сумели перевезти только 783 400 человек.

В проекте реконструкции Новороссийска 1949 года предполагалось построить две линии в первой части города: одну — по улице Энгельса в Куниковку — бывшую Станичку (по трассе довоенной линии), другую — по улице Сипягина в район местной промышленности. Обе эти линии должны были соединиться с действующей линией через железнодорожные пути на проектировавшейся соединительной магистрали (эстакаде). Однако из-за того, что это строительство в 1950-е годы не было осуществлено, планы остались на бумаге, а единственная действующая линия трамвая так и не смогла стать основой для создания разветвлённой сети городских маршрутов.

К началу 1950-х годов на линии работали уцелевшие после войны четыре моторных вагона X (№2, №5 и №6, восстановленный осенью 1950 года, а также ещё один недолго проработавший вагон) и четыре прицепных вагона М (года через три из них на линии осталось только два — №01 и №03).

На 1 августа 1949 года был запланирован ввод в эксплуатацию оборотных колец на обеих конечных для ускорения оборота подвижного состава, но в срок это не выполнили, и до 1954 года вагоны на конечных остановках по-прежнему не разворачивались. В тупике водитель менял пост управления, при этом тащил за собой через весь вагон свою скамейку без спинки. Кондуктор, сцепляя и расцепляя

вагоны, соединял и разъединял воздушную тормозную систему, переводил дугу в пошёрстном направлении и подавал водителю сигналы отправления свистком — таким же, как у милиционера или железнодорожного кондуктора — и трамвай трогался в обратный путь. Всё казалось устроенным не для серьёзного движения, а для забавы.

Два варианта — либо на новую линию были перевезены с уже существующей все четыре вагона, либо только три плюс вновь поступивший. Обе линии не сообщались друг с другом, так как для их соединения в одну систему надо было пересечь большое количество железнодорожных путей, ведущих к порту. Ещё до войны высказывалась идея связать обе части города с помощью эстакады, по которой предполагалось пустить трамвай, что позволило бы не только связать имеющиеся маршруты, но и развить маршрутную систему. Однако эстакада была построена уже через много лет после войны и уже не для трамвая. В 1940 году общая длина путей новороссийского трамвая достигла 11,7 км., а число вагонов — 14 единиц (9 моторных и 5 прицепных). Число перевезённых по двум линиям пассажиров в 1941 году составило уже 7 558 300 человек (хотя и не дотянуло до намеченных на тот год 9 миллионов). После войны вернуться на этот уровень перевозок и на эту протяжённость путей новороссийскому трамваю было уже не суждено...

В августе 1942 года линия фронта пролегла через Новороссийск, и трамвайное хозяйство было разрушено в ходе продолжавшихся здесь больше года боевых действий. Наиболее сильно пострадала линия в Станичку, так как она фактически оказалась в зоне происходивших в феврале — сентябре 1943 года боёв на Малой земле. Впоследствии она так и не была восстановлена. Станичка оказалась разрушена настолько сильно, что в 60-х годах, когда на её месте начали строить новый жилой район Куниковка (названный в честь командира малоземельского десанта Ц.Л. Куникова), не удалось даже воспроизвести уличную сеть разрушенного посёлка, и улицы нового массива были проложены заново. Излишним будет говорить, что при таких разрушениях от трамвайного депо, оказавшегося менее чем в полукilометре от переднего края на ещё немецкой стороне, как и от стоявших там трамваев, не осталось вообще ничего. Сохранились лишь очертания самой территории депо, на которой после войны примерно в тех же границах на углу Лейтенанта Шмидта, Свердлова и проспекта Ленина был построен детский сад.

Линия в восточной части города пострадала меньше, хотя поперёк её рельсов проходила линия обороны. За восстановление трамвая взялись практически сразу после освобождения города —

В 1954 году с Усть-Катавского вагоностроительного завода были получены два новых односторонних поезда КТМ/КТП-1, получившие номера 7-04 и 8-05. Оба поезда относились к так называемой первой заводской серии образца 1949 года, главной отличительной особенностью которой были прямоугольные стёкла в дверях. Новый подвижной состав потребовал изменений в путевом хозяйстве, и для того, чтобы начать его эксплуатацию, на конечных остановках были устроены оборотные треугольники (на Мефодиевке) и кольцо (на НоворЭС). В старых двусторонних вагонах типа Х сделали кабины для водителей, оставляя при этом двери на левой стороне и пост управления на задней площадке.

Через год-другой вагоны КТМ/КТП-1 перекрасили в голубой цвет и повесили в них занавески от солнца. Внутри они продолжали сохранять заводскую окраску. Примерно в это же время один из старых моторных вагонов был списан, а в Новороссийск из Ленинграда поступили три моторных вагона типа МС-1, получившие «простаивающие» номера 1, 3 и 4, а также два прицепных вагона ПМ (стандартные вагоны М, выпущенные в 1931-1932 годах Мытищинским заводом специально для Ленинграда), получивших номера 02(?) и 06. Впрочем, новые номера на вагоны были нанесены не сразу, так как ещё в ноябре 1955 года по Новороссийску курсировал поезд с ленинградскими номерами 1850 и 3001. Известно также о поставках в эти годы в Новороссийск ещё двух однотипных «ленинградцев» с номерами 1872 и 1875. Судя по всему, эти трамваи местных номеров не получили и работали под ленинградскими. Всего моторных вагонов стало восемь, а прицепных — шесть. Все вагоны, в том числе и ленинградские, имели воздушный тормоз.

Моторный вагон МС-1 №1 один из авторов статьи (Виктор Манзюра) ещё застал с ленинградским номером — 2016. У него слева оставалась передняя дверь. Вагон №2 — довольно аккуратный моторный Х, переделанный в односторонний, с зашитыми левыми дверьми и без поста управления на задней площадке. Будущий вагон МС №3 был сильно вылинявший, но с видимыми ленинградскими номерами (четырёхзначный номер заканчивался на 63). Впоследствии этот вагон был одним из лучших и работал почти до закрытия трамвая. В его салоне висела привинченная шурупами ленинградская табличка «За курение в вагоне — штраф». Этот вагон имел классический односторонний

вид. Зато вагон МС №4 (бывший ленинградский №1850) был двусторонним. Его пытались переделать, построили кабину, сняли пост управления с задней площадки, но с дверьми на левую сторону ничего сделать не смогли. Вагоны №5 и №6 — это исконные новороссийские вагоны серии Х, не до конца переделанные в односторонние. Прицепные вагоны №01 и №03 — двусторонние прицепные серии М. В них были продольные лавки, вагон №01 был в середине выкрашен в чёрный цвет. Ленинградские вагоны ПМ также имели продольные лавки, их старые ленинградские номера — №3001 и №30**. В 1959 году депо получило ещё три новых поезда КТМ/КТП-1, которым присвоили номера №№9-09, 10-010, 11-011 (при этом ранее полученные прицепные вагоны КТП-1 №04 и №05 были перенумерованы, соответственно, в №07 и №08). Новые КТМ/КТП-1 принадлежали к «мобилизационной» серии образца 1956 года. Самой заметной отличительной особенностью вагонов этого выпуска было то, что задний борт прицепного вагона имел не два больших окна, разделённых узкой стойкой, а два маленьких, которые разделялись широким проёмом. Изначально конструкция предусматривала возможность организации на месте проёма двери для погрузки раненых на носилках при использовании трамвая в качестве санитарного, поскольку внести что-либо габаритное через штатные двери КТМ-1, разделённые на два прохода, было практически невозможно. С учётом того, что часть старых трамваев была списана, общее число вагонов в 1955-1958 гг. составляло 16 единиц. С прибытием новых трамваев к 1 апреля 1959 года вагонов было уже 22, но уже в конце того же года за счёт списания старых Х и М их стало 19, из них 11 моторных и 8 прицепных.

Наивысшей точкой развития новороссийского трамвая стал 1957 год. В июле северный отрезок линии в Мефодиевке был продлён на 644 метра по улицам Васенко и Мефодиевской до железнодорожного переезда. После продления старый треугольник был разобран. Рядом с новым оборотным треугольником (вместо предполагавшегося изначально оборотного кольца) была построена станция со специальными путями для прицепных вагонов, оставляемых в часы неинтенсивного движения. Первоначально это продолжение собирались строить ещё в 1951 году, но никак не доходили руки — не хватало рабочей силы. Осенью 1957 года открылось движение на вновь построенном восточном участке от НоворЭС до цементного завода «Октябрь», где также построили оборотное кольцо, а кольцо возле НоворЭС превратилось в разъезд. Примерно в те же годы изменился адрес Гортрамвая и трамвайного депо — номера домов по улице Судостальской изменили с их нарастанием от центра города к окраине, поэтому теперь адрес стал звучать как Судостальская, 42.

В 1959 году в Новороссийск вместе с вагонами КТМ/КТП-1 поступил бывший в употреблении ленинградский поезд из вагонов МС-1 и ПС. Эти усовершенствованные вагоны имели пневматические тормоза ленинградского типа и двери с пневмоприводом. В 1962 году в город прибыли ещё три аналогичных поезда. Они заменили пришедшие в негодность мытищинские и поставленные ранее ленинградские вагоны. За «новыми» вагонами до самого закрытия трамвая сохранялись старые ленинградские номера: МС — №№2107, 2177, 2190, 2303; ПС — №№14, 92 (прибыл в 1959-м), 223, 314. Списанные предшественники находились во дворе депо в ожидании разборки. Очень скоро к ним присоединился и разбитый в аварии в начале 1962 года прицеп ПС №92. После этого поступлений вагонов уже не было, и до самого закрытия трамвая общее число вагонов оставалось равным 18. В это число входили пять поездов КТМ/КТП-1, четыре моторных вагона МС, три прицепных ПС и предположительно один прицепной ПМ. Точных данных о судьбе каждой единицы подвижного состава пока найти не удалось, но известно, что около 1965-1966 годов после списания МС-1 №1 (бывшего 2016) «единичку» получил другой МС-1.

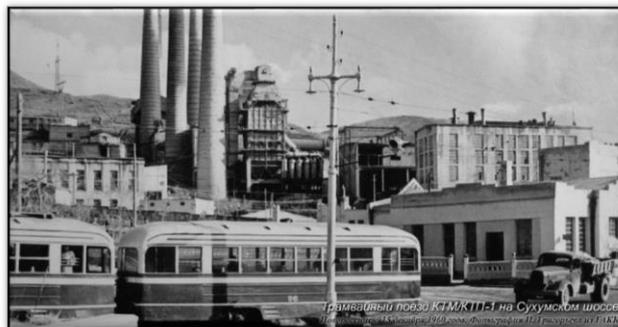
Необходимо отметить, что новороссийский трамвай с 1951 года окончательно перестал выполнять план пассажирских перевозок и перешёл в разряд планово убыточных. Достигнуть довоенной цифры годовых перевозок в 7 558 300 человек при тогдашних 14 вагонах оказалось невозможно — несмотря на то, что на смену вагонам Х и М пришли трамваи КТМ/КТП-1 и МС/ПС, даже на 18 более совершенных трамвайных вагонах перевозили меньше людей, причём количество перевезённых платных пассажиров падало год от года. Так, за 1964 год перевезли 3 453 000 пассажиров, за 1965 — 3 296 400, за 1966 — 3 189 000, а за 1967 — только 2 860 200. Себестоимость перевозок непрерывно росла, превысив к концу 60-х годов рубеж в 5 копеек, тогда как средний тариф снижался. В документах отмечалось, что часть пассажиропотока перехватили автобусы. Особенно это стало заметно в 1958 году с асфальтированием улицы Жданова и устройством автодороги, совмещённой с трамвайной линией, из-за чего трамваям для преодоления этого короткого отрезка пути приходилось постоянно пережидать проход автотранспорта. И если раньше пассажиры, едущие в центр из Мефодиевки, выходили из трамвая у шиферного завода, где пересаживались на идущие в западную часть города

автобусы (обратную процедуру проделывали пассажиры приходящих из города автобусов, выходя у шиферного завода и ожидая идущий со стороны цементных заводов трамвай, который отвезёт их наверх), то приход в Мефодиевку автобусов 2-го маршрута, идущих напрямую в город, ощутимо ударил по пассажиропотоку трамвая. План по ремонту пути систематически не выполнялся из-за нехватки рельсов, что приводило к снижению и без того невысокой скорости движения. Практиковавшаяся на новороссийском трамвае продажа кондукторами сдвоенных билетов (или так называемых билетов на обратный путь — маршрут всё равно был один) помогала мало. Сильно поспособствовало снижению выручки и тогдашнее увлечение бескондукторным обслуживанием пассажиров с помощью касс-копилок и касс-полуавтоматов, которое привело к росту числа двуногих «зайцев». Старожилы вспоминают, что трамвайные кондуктора, дабы выполнить план выручки, добросовестно извещали потенциальных пассажиров, какой дефицит выбросили в продажу близ противоположной конечной остановки, приглашая проехать туда и отовариться. Впрочем, та же устная традиция упоминает и о том, что такая информация порой могла оказаться и ложной, поскольку дефицит бывал в продаже не всегда, а план кондукторам надо было выполнять ежедневно.

Летом 1962 года по инициативе Главного управления городского электротранспорта МКХ РСФСР был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе безнадёжно убыточного трамвайного хозяйства. В связи с тем, что оно обслуживало в основном цементные заводы «Пролетарий» и «Октябрь», комбинату «Новоросцемент» предложили принять хозяйство на свой баланс и превратить его из муниципального в ведомственное. После отказа цементников городским властям оставалось только одно — дожидаться открытия в этом районе давно ожидаемого троллейбуса, смирившись с отсталостью своего трамвая. На трамвай, из года в год ожидая его закрытия, попросту махнули рукой — на страницах «Новороссийского рабочего» даже не печаталось жалоб на его работу, хотя поводов для этого было, вероятно, более чем достаточно. Тем не менее, о трамвае городские власти всё же продолжали заботиться, пока он продолжал работать. В 1966 году на въезде в депо установили светофор и произвели реконструкцию одного из парковых путей. Продолжалось и заполнение возникавших вакансий — на страницах «Новороссийского рабочего» ещё весной 1969 года, в последний год эксплуатации системы, по инерции было напечатано объявление о требовавшихся Гортрамваю путевых рабочих. А вот новых водителей и кондукторов не набирали ввиду отсутствия вакансий — их коллектив сложился уже давно, и был он чисто женским.

Не было видно перспективы и для подвижного состава. Стёкла в дверях вагонов КТМ/КТП-1 были быстро разбиты и заменены фанерой. У всех старых вагонов в дожди немилосердно текли крыши — развитию ржавчины способствовал насыщенный морской солью новороссийский воздух. Ряд поворотов линии (например, на перекрёстках улицы Пограничной с улицами Куйбышева и Судостальской) имел слишком малый радиус закругления, и нормально проходить их могли лишь короткие двухосные вагоны, производство которых в СССР завершилось в конце 60-х годов. Новый четырёхосный подвижной состав с кузовами значительно большей длины (РВЗ-6, КТМ-5МЗ, ЛМ-68 и Tatra T3) работать бы на ней просто не смог. Реконструкция поворотных участков должна была

сопровождаться, помимо прочего, расширением перекрёстков, а значит, и сносом целого ряда частных домов с расселением жильцов. Иными словами, приспособление существовавшей трамвайной системы Новороссийска к современным требованиям было равносильно её полной ликвидации и постройке новой. Единственным спасением для трамвая могла бы стать его связь с западной частью города для перевозок рабочих на цементные заводы, оправдывающая проведение реконструкции, но город был слишком сильно разрушен во время войны, и восстановление порта и цементных заводов много лет не позволяло и думать об этом. В результате новороссийский трамвай так и остался не поддающейся модернизации локальной окраинной транспортной системой, не вписавшейся в общегородскую. Денег на сооружение мостовых переходов через железнодорожные пути в городском бюджете всё равно не было, а когда они нашлись, трамвайные линии были уже не в почёте...

Тем временем на улицах Новороссийска уже строилась троллейбусная сеть.

Аница Делич

Библиотека – источник культуры

Сотрудники Центральной городской библиотеки им. Э. Э. Баллиона ежедневно осуществляют обслуживание читательской аудитории, предлагая их вниманию не только разнообразную литературу и периодические издания, но и всевозможные мероприятия, проведение которых обусловлено достижением определенных целей.

Ознакомимся с целями и задачами мероприятий Центральной городской библиотеки им. Э. Э. Баллиона.

Цели:

1. Воспитания у различных групп населения чувства патриотизма, уважения к своей Родине;
2. Изучения истории Российского государства;
3. Формирования любви к литературе и к чтению;
3. Знакомства с памятными датами Российского календаря;
4. Экологического воспитания;
5. Приобщения к основам православной культуры;
6. Утверждения активной гражданской позиции.

Задачи:

Сохранить историческое наследие Российской Федерации;
Способствовать развитию культуры;

Полностью осветить историю города-героя Новороссийска;

Приобщить население к литературе;

Сформировать любовь к чтению;

Содействовать всестороннему воспитанию молодежи;

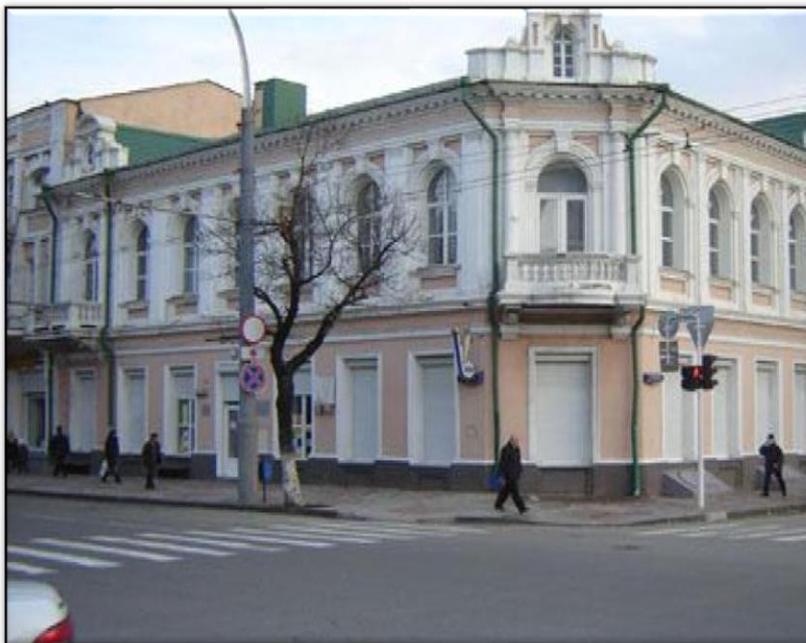
Укрепить патриотическое сознание в подрастающем поколении.

Поставленные цели и задачи достигаются сотрудниками Центральной городской библиотеки им. Э. Э. Баллиона в ходе организации разноплановых мероприятий, а также за счет стабильной работы клубов и курсов.

Все мероприятия и клубы по интересам тщательно планируются, разрабатываются и организуются за счет сотрудничества со всевозможными структурами, в числе которых: образовательные учреждения, средства массовой информации, библиотечный актив.

В 2017 году сотрудниками Центральной городской библиотеки им. Э. Э. Баллиона было проведено более 700 мероприятий, на которых присутствовало в среднем 35 тысяч человек. Следует отметить, что данная статистика с каждым годом увеличивается.

Исходя из представленных цифр, можно смело сделать вывод, что мероприятия Центральной городской библиотеки им. Э. Э. Баллиона пользуются популярностью и представляют интерес для населения. Такая работа позволяет привлечь в ряды читателей новые лица, что особенно важно в наши дни.

Иван Литовка

Сражение за Кавказ

Прошло более 70 лет, когда окончательно с Кавказа и Кубани были изгнаны немецко-фашистские захватчики. История агрессивной политики стратегов вермахта связана стремлением проникнуть на восток.

Главной целью захватнической политики в течение многих веков были бескрайние просторы русских, белорусских и украинских земель. Вся история германского милитаризма проходит по кривой дороге насилия, грабежа и разбоя; разрушенными городами, сожженными селами, уничтоженными центрами культуры и цивилизации, массовым истреблением народов отмечен путь германских агрессоров на восток.

Так было выдвинуто требование в меморандуме германских профессоров от 9 июля 1915 г. Захват Украины и Кавказа, Балканских стран всего ближнего Востока, вплоть до Персидского залива, а также Индии, значительной части Африки и Египта. (А.А. Гречко. Битва за Кавказ, стр. 17)

Вторая мировая война явилась новым стремлением германских фашистов проникнуть на Восток. Основное внимание германского генералитета переключается на разработку стратегического плана по подготовке войны против СССР.

31 июля 1940 года начальник генерального Штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал полковник Гальдер в служебном дневнике записал: - «Указания Гитлера, давшего отправные данные на разработку стратегического плана «Барбаросса» - войны против СССР. В соответствии с этими указаниями начало войны против СССР планировалось на май 1941 года. Срок для проведения операции - пять месяцев.

Этим планом предусматривалось уничтожение сухопутных вооруженных сил СССР, захват Москвы, Киева, выход сухопутных войск на берег Волги.

На Южном направлении восточного фронта захват Крыма, который, будучи авиабазой противника восточного фронта, наносит угрозу Румынским нефтяным районам. Но события развивались не в пользу гитлеровской Германии. Первые успехи, после внезапного нападения на Советский Союз, вскружили голову Гитлеру и его руководству. Соппротивление Красной Армии к концу 1941 года значительно возросло.

Воспользовавшись значительным превосходством танковых групп, Гитлеровское командование приняло решение направить для захвата Крыма, Донбасса и проникновения на Кавказ сильную Южную группировку войск. Для ведения затяжной войны требовались новые источники сырья и в первую очередь нефть.

Планируя боевые действия на Восточном фронте, Ставка Гитлеровской Германии на 1942 год главные усилия сосредоточила на Южном фронте, на берег Волги - захват Сталинграда и Кавказа. Для этого были сосредоточены огромные силы. Всего на Советско-Германском фронте летом 1942 года гитлеровцы имели 6198 тысяч личного состава, 3230 танков и штурмовых орудий, 3395 боевых самолетов, 56940 орудий и минометов. Появились дополнительные войска Венгрии - 3 корпуса, 10 свежих Итальянских дивизий, один корпус и три румынские дивизии.

По плану «Эдельвейс» основные усилия осуществления наступательной операции на Южном фронте возлагалась на группу армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок. Позже была разделена на две «А» и «Б». Группа армий «А» должна наступать для вторжения на Кавказ, группа «Б» на Сталинград. Каждая группа в своем составе имела: группа «А» под командованием

фельдмаршала Руофа в которую входила 17-я полевая Армия и 1-я танковая, под командованием генерала Клейста, в составе более 400 тыс. человек личного состава, 1250 танков бронетранспортеров и танкеток, была направлена для захвата Кавказа.

Группа «Б» на Сталинград имела 4-ю танковую армию, 6-ю полевую армию под командованием генерал-полковника Паулуса, около 1000 танков и броневой техники и около 500 тыс. личного состава. Прежде чем начать наступление на Кавказ, немецкое командование решило улучшить оперативное положение своих войск на Южном фронте, захватить Керченский полуостров и Севастополь. Рано утром 8-го мая ударная группировка врага в составе 11-й армии нанесла удар по левому флангу нашей 44-й армии в Крыму.

Прорвав оборону наших войск, противник 19-го мая овладел городом Керчь и Керченским полуостровом. К середине июля полностью Крымом. К началу боевых действий численное превосходство было на стороне противника.

К 25 июля наши войска Южного фронта имели лишь 17 танков. 4-я воздушная армия всего 130 самолетов разных систем. 28 июля Южная группировка войск противника перешла в наступление и захватила город Ростов-на-Дону. 30 июля войскам был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина № 227 от 28.07.1942 года, «Ни шагу назад». В приказе прямо говорилось: «Отступать дальше некуда, отступать дальше, значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину...

...Ни шагу назад без приказа высшего командования». Таков приказ нашей Родины!

Приказ имел огромное значение в укреплении воинской дисциплины и политико-морального состояния воинов и упорства в борьбе с ненавистным врагом. Созданный Северо-Кавказский фронт возглавил маршал Советского союза С.М. Буденный, войска Закавказского фронта генерал армии И.В. Тюленев - обороняли Черноморское побережье от Лазаревской до Батуми.

Наши ослабленные, малочисленные армии и дивизии отступая, вели ожесточенные и упорные бои. Нанося противнику удары, заставляя его часто переходить к обороне и нести значительные потери. Битвы за Кавказ и Сталинград начались одновременно и имели большое стратегическое значение. Потеря Кавказа и Сталинграда имела одинаковое военнополитическое значение для нашей Родины в борьбе с гитлеровскими захватчиками. На состоявшейся военнаучной конференции в городе Краснодаре в 2008 году была поднята роль командующего Черноморской группы войск и Северо-Кавказского фронта полководца, героя Советского Союза генерала армии Ивана Ефимовича Петрова. Только одна газета «Над Кубанью» опубликовала содержание конференции без изменений и сокращений. «Русский генерал против фельдмаршалов Рейха», автор Ю. Попов, помощник председателя городского Совета ветеранов города Краснодара по работе с ветеранами войны и военной службы.

В битве за Кавказ общие потери немцев достигли 580 тысяч солдат и офицеров. Наши войска отстояли Кавказ ценой жизни более 800 тысяч человек.

Было награждено медалью «За оборону Кавказа» более миллиона бойцов, командиров и принимавших участие населения в партизанских отрядах и других формированиях по защите Кавказа.

В разделе «Сражение за Кавказ» я рекомендовал бы читателям, читая книги не отделять особо боевые действия войск от работы населения страны в тылу, от той борьбы, которая велась на оккупированной территории Кавказа, Кубани и России. Было создано подпольное движение, партизанские отряды, разведка, велась экономическая борьба, подрывная деятельность, уничтожение фашистов на оккупированных территориях. Гитлеровская армия не получила ни одной тонны Майкопской и Грозненской нефти, а до Бакинской не дошла. События «Сражения за Кавказ» по времени развивались одновременно с другими боевыми событиями на других фронтах В. О. войны. Битвы за Сталинград, Кавказ и Туапсе по значению Советским Информбюро в сентябре-октябре 1942 года приравнивались и передавались ежедневно, как главные события страны.

Фашистские войска 9 октября 1943 г. были полностью изгнаны с Кавказа, Кубани и Таманского полуострова.

9 октября в Москве был произведен первый салют в честь разгрома немецко-фашистской группировки войск на Кавказе 20-ю артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Участник Великой Отечественной войны, Гвардии полковник в отставке.

Сергей Сербин

Вспоминаю о воздушном бое

В возрасте одного года родители мои из Армении переехали в город Новороссийск, и с того времени я являюсь жителем этого города.

К началу Великой Отечественной Войны семья наша состояла из матери и пятерых детей (отец временно ушёл к другой женщине) и проживала в одноэтажном доме по адресу: ул. Пограничная, 51. По возрасту я в семье являлся средним ребёнком.

Немцы и румыны оккупировали Новороссийск в сентябре 1942 года, о населении города не заботились, а как раз наоборот, ходили по домам и отбирали вещи, продукты, домашнюю птицу (кур, уток, гусей, поросят), но об оставлении нашими войсками города, об обстановке в Новороссийске в период оккупации я расскажу отдельно. Здесь скажу лишь, что семья наша голодала, да и других жителей голод не обходил стороной - обычное дело было видеть лежавших на улицах умерших голодной смертью людей.

Летом 1943 года немцы стали выселять из города население, везти на машинах, гнать пешком порядком в сторону Керченского пролива, Украины. Наша семья оказалась втянутой в этот поток. Спустя несколько дней пути мы оказались в хуторе Красный Октябрь Крымского района Краснодарского края, где я явился очевидцем произошедшего в небе надо мной воздушного боя между одним самолётом с красными звёздами на крыльях и двумя самолётами с чёрными крестами. Эти три самолёта носились над нами, трещали пулемётные очереди. Все побросали свои дела и стояли, уставившись в небо. Были среди зрителей и местные жители, и мы, беженцы, и немцы, и румыны. Все смотрели в небо, захваченные картиной развернувшегося над нами воздушного сражения.

Мы, конечно, переживали за нашего лётчика, бьющегося в небе в одиночку против двух немецких самолётов, и поэтому, когда нашему лётчику удалось сбить немецкий самолёт, и тот камнем устремился к земле и взорвался, у нас вырвался радостный крик! Наш лётчик продолжал сражаться в одиночку, и вскоре сбил и второй немецкий самолёт, который также упал и взорвался. Однако восторг наш был недолог - мы увидели, как из-за тучки вынырнул третий немецкий самолёт (видимо, наш лётчик его не увидел, появление третьего вражеского самолёта было для него внезапным) и сбил наш истребитель. Он загорелся и стал падать. Из уже горящего самолёта выпрыгнул наш, советский лётчик, раскрыл в воздухе парашют и стал спускаться. Все вокруг стояли как замороженные и смотрели на происходящее: лётчик, геройски победивший двух фашистов в воздушном бою, теперь, лишившись своего самолёта, спускался на парашюте на захваченную врагом землю, где отовсюду ему грозила опасность.

Видимо, пока спускался, лётчик заметил начинавшийся поблизости лес и решил воспользоваться им, чтобы укрыться от врагов. Поэтому, оказавшись на земле и отстегнув стропы, он бросился к лесу.

Все стоявшие вокруг в оцепенении как будто проснулись! Всё пришло в движение! Окружающие бросились по направлению к лётчику - мы с целью помочь ему, а враги с целью задержать, пленить или убить его! Ведь враги были озлоблены и раздосадованы тем, что на глазах у всех советский лётчик вышел победителем в схватке с двумя немецкими пилотами и сбил их одного за другим! На войне сражаются по-разному - одни стреляют из орудий с закрытых позиций, находясь от врага за десятки километров, другие воюют, располагаясь в окопе под защитой земельного бруствера или стен защитных сооружений, а лётчик отчаянно сражается один в своём самолёте высоко в небе, открытый всем снарядам и пулям, взглядам как своих людей, так и врагов. Сражаясь в небе, лётчик бросает беспромысленный вызов судьбе и весь охвачен единым порывом - максимально применив свой профессионализм, наделённые природой такие качества как реакция, ловкость, возможности своей машины и оружия, спрессовав всё это с неукротимой волей к победе - делает всё, чтобы победить врага!

Мы, советские люди, охваченные гордостью за нашего лётчика, беспокойством за его жизнь, всей своей душой желали ему поскорее добраться до спасительного леса, укрыться в нём!

Но и враги не дремали. Я увидел, как от кромки леса отделились вооружённые румынские солдаты и двинулись к бежавшему лётчику, отрезая ему путь к спасительному лесу. С другой стороны, от стоявшей на взгорке артиллерийской батареи, к бежавшему лётчику бросились немецкие артиллеристы, вначале безоружные, надеясь на лёгкую добычу, а затем, когда увидели, что лётчик вытащил маузер и, стреляя, пытался пробиться к лесу, артиллеристы вернулись на свои позиции, вооружились карабинами и продолжили окружать лётчика.

У нас сердце кровью обливалось, когда мы поняли, что возможности спастись у лётчика остаётся всё меньше и меньше - силы были неравны - слишком много врагов окружало его. Видимо понял это и лётчик, поскольку, не желая сдаваться в плен врагам, он вдруг на глазах у всех приставил этот большой пистолет маузер к голове и застрелился. Все подошли к уже мёртвому лётчику. Одет он был в добротную лётную куртку. На груди она была расстёгнута, и на петличках военного обмундирования его я увидел две шпалы.

Немцы сразу сняли с лётчика куртку и забрали себе, стали осматривать обмундирование, и я увидел в руках немца фотографию, на которой этот красивый лётчик, в военной форме был сфотографирован с женщиной и ребёнком, а на фото была надпись: «Владивосток». Немцу фотография эта была не нужна, он равнодушно вертел её в руках. Оказавшаяся рядом моя мама попросила немца отдать эту фотографию ей, и немец уже собирался это сделать, но стоявший по близости казак (из прислужников немцев) заорал на мать нецензурной бранью, обвиняя её в том, что она ждёт прихода красных и её саму нужно уничтожить. Мать испугалась и поспешила удалиться. Судьба этой фотографии мне неизвестна.

Что касается тела погибшего лётчика, то раздетое до нижнего белья тело его пролежало два дня в том же месте - немцы подходить к нему запрещали. А потом уже под покровом темноты я с ещё несколькими парнями с этого хутора пробрались к нему, оттащили тело в сторону и присыпали грунтом. Я не уверен, что смогу показать место захоронения. Что касается места падения советского истребителя, то упал этот самолёт недалеко от дороги и, я думаю, место падения самолёта я показать смогу.

Спустя несколько дней семья наша из хутора ушла, двинулись мы на Украину, где оставались в Херсонской области до освобождения Новороссийска, после чего возвратились в наш город и приняли участие в его восстановлении.

Не знаю, установлена ли личность погибшего лётчика, совершившего в тот летний день 1943 года в небе над Кубанью подвиг, но думаю, что это был опытный пилот-это он показал, ведя неравный бой с немецкими истребителями и сбив их обоих.

О том, что он был заслуженным лётчиком, относился к командному составу, свидетельствуют две шпалы на его петлицах и ещё следующее: офицеры Красной Армии, в том числе и лётчики, во время войны были вооружены пистолетами ТТ, а этот был вооружён маузером- оружием, считавшимся элитным в офицерской среде, оружием, которым офицеров награждали за выдающиеся боевые заслуги. С учётом его семейной фотографии с надписью: «Владивосток» я считаю, что он служил на Дальнем Востоке, принимал участие в военных действиях либо у озера Хасан, либо на Халхин-Голе, отличился там, за что и был награждён именным оружием - пистолетом системы «Маузер».

Я готов принять участие в розыске места, где упал советский истребитель во время воздушного боя в 1943 году у хутора Красный Октябрь, чтобы по номерам на деталях этого самолёта попытаться установить этого лётчика-героя. Тогда на месте совершения им подвига и героической смерти можно будет воздвигнуть памятник, чтобы люди новых поколений знали о нём и чттили его память! Благодаря таким, как он, мы сейчас живём в мире, счастье и находимся перед ними в неоплатном долгу!

2 января 2015 года

Воспоминания записал полковник
Юстиции в отставке С. Б. Сербин

Анна Белова

Малоземелец

Владимир Никитович Кайда

Владимир Никитович Кайда родился 14 августа 1920 года в селе Крючки Купянского района Харьковской области в крестьянской семье. Учился в Харьковском ФЗУ, после окончания которого работал токарем-универсалом на Харьковском электромеханическом заводе и одновременно учился на рабфаке. В 1937 году родители Кайды переехали в Донбасс, Владимир стал к станку на Краматорском машиностроительном заводе. В 1939 году он был призван на военную службу и прослужил в Военно-Морском Флоте восемь лет. С первых дней Великой Отечественной войны Кайда участвует в боевых действиях, защищая Киев, Одессу, Севастополь, Керчь. В феврале 1943 года в составе куниковского отряда высадился на Малую землю, а в сентябре 1943 года участвовал в боях по освобождению Новороссийска.

В годы войны Владимир Никитович был несколько раз ранен. За отвагу и мужество награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1 степени и многими медалями. Член КПСС.

С 1964 года отважный малоземелец живет в городе-герое Новороссийске, принимает активное участие в общественной работе. Он персональный пенсионер республиканского значения. В 1970 году ему выделили квартиру на улице Героев-Десантников. Живя в Новороссийске, вел очень активную социальную жизнь, посещая все памятные мероприятия, активно встречался со школьниками и студентами, рассказывая о войне.

Награды

1945-орден Отечественной войны 1-й степени (моторист 3-го класса ТЩ-182 отр. ТЩ типа "ВМС" 1 КБТР БФ краснофлотец Кайда награжден за участие в боях за Одессу, Севастополь, Керчь, Тамань, Новороссийск и обеспечение уничтожения 7 неконтактных мин при боевом тралении на КБФ в районе Кельберга и Свиномюнде).

1943-орден Красной Звезды (боец ООСНАЗ НВМБ ЧФ краснофлотец Кайда награжден за участие в десанте Куникова, в частности за уничтожение ДОТа и его расчета гранатами, уничтожение из личного оружия 7 солдат противника, и вынос с поля боя под огнем противника 5 тяжелораненых солдат).

1943-орден Красной Звезды (автоматчик 393-й Новороссийской ОБМП краснофлотец Кайда награжден за уничтожение при освобождении Новороссийска 4 солдат и 1 снайпера противника). медаль "За оборону Одессы." медаль "За оборону Советского Заполярья". Медаль "За победу над Германией". юбилейные медал

Баллада о матроса Кайде

Ты вошёл в это пекло безусым юнцом,
Женихом ещё не был, и не был отцом.
Ты испил эту горькую чашу до дна,
Много лет тебя цепко держала война.

...Ты вставал над окопом с гранатой в руках,
Наводя на фашистов панический страх.
Разве это не ты под свинцовым дождём
Поднимался в атаку и ночью и днём?

Не к твоим ли рукам примерзал автомат?
Ты остался в живых – разве ты виноват?
Ты явился на площадь Героев живой,
Уцелевший случайно в войне мировой.

Огоньками горят пионеров глаза,
Отражалась в зрачках фронтовая гроза,
Может быть, сохранится во веки веков
Отражение подвига тех моряков.

Да рассказы друзей до потомков дошли
О защитниках Малой, Великой земли.
Да в граните и бронзе над городом встал
Волны моря в норд-ост бьются о пьедестал...

Может, это не ты, ну, так что ж, дорогой,
Нас не будет судить неизвестный герой.
Если смерть на войне вам пришлось победить,
Он не будет бессмертье с тобою делить.

По пути к коммунизму забыла страна,
Что значки у тебя на груди- ордена
А иначе, конечно, имели б в виду,
Чтоб отлить из значков Золотую Звезду.

Анна Белова

Виктор Буравкин

Чтобы мы не забывали их...

(Посвящается Константину Ивановичу Подыме)

Приближается 2018 год. В том году исполняется пять лет, как ушёл из жизни настоящий патриот Новороссийска, талантливый, светлый человек Константин Иванович Подыма. Со временем стираются в памяти народные события и достойные имена, поэтому в заголовок эссе символически вынесен заголовок одной из книг К.И. Подымы.

Пять лет не малый срок, но такой срок установлен положением об увековечивании посмертно памяти граждан за признанные заслуги перед обществом. (Звание почётного гражданина или в названии улицы).

При жизни К.И. Подыма дважды номинировался на звание почётного гражданина города, и оба раза находились более достойные.

Теперь, после пяти лет со времени его ухода из жизни, появляется возможность признания обществом несомненных заслуг Константина Ивановича Подымы и увековечить его имя в названии улицы города.

И так, обращение 2012 года к городской администрации и к Думе.

Международный Союз «Мужество и гуманизм» о творчестве Константина Ивановича Подымы.

Константин Иванович Подыма – писатель, драматург, редактор, киножурналист, лауреат премий: имени Николая Островского в 2011 г., имени М.В. Ломоносова и Гран-при имени генерал-лейтенанта Николая Раевского-младшего в 2005 году. В 2017 году посмертно удостоен звания – «Духовное имя Кубани».

Автор книг, сценариев документальных и научно-популярных фильмов, в большинстве которых рассказывается об истории города-героя Новороссийска.

Константин Иванович Подыма – основатель (5 ноября 1965 г.) при редакции газеты «Новороссийский рабочий» литературного, в последствии историко-патриотического объединения «Шхуна ровесников», действующее и ныне при ГМУ им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова. Широко известны в стране героико-патриотические операции, разработанные и впервые проведенные им («Флаг», «Бескозырка», «Бригантина», «Письма в будущее», «Вечный огонь», «Клинок», «Родник», «Погибаю, не сда-

юсь!» и др.)

С ноября 1989 года – секретарь-координатор ряда проектов Международного Союза общественных организаций «Мужество и гуманизм». Член Международной Ассоциации «Искусство народов Мира» (2013 г.).

Творческая деятельность Подымы Константина Ивановича получила высокую оценку руководства Высшего Совета Международного Союза «Мужество и гуманизм».

Творческие работы К. И. Подымы, посвящённые Городу-герою Новороссийску

(«Киноленты», «Сценарии», «Книги», «Очерки», «Газеты/журналы», «Песни», «Корабли-Памятники», «Проекты», «Сотрудничество»)

Киноленты:

«Шхуна Ровесников» прокладывает курс». Ростовская-на-Дону студия кинохроники. 1977
«Новороссийск, помни» Ростовская на – Дону студия кинохроники. 1978

«Маршрутами подвига» Центральная студия документальных фильмов. Москва. 1982

«Часовые памяти нашей». Свердловская киностудия. 1983

«Свет памяти нашей». Свердловская киностудия. 1985

«Капитан». Нижне-Волжская студия кинохроники. Саратов 1992

СЦЕНАРИИ ДЛЯ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПЕРЕДАЧ:

«Шхуна ровесников» Путь продолжается». 1972. Москва. Центральное ТВ.

«Шли мальчишки не за славой». 1972. Краснодарское ТВ.

«Герои огненной земли». 1972. Краснодарское ТВ.

«О подвигах, о Доблести, о Славе». 1973. Краснодарское ТВ.

«По долгу памяти». 1982. Краснодарское ТВ.

«Курс «ШР» – Карелия». 1989. Карельское ТВ.

«Счастливого плавания, «Шхуна». 1990. Новороссийское ТВ.

«Песня жизнь моя!» 1990. Новороссийское ТВ.

Книги:

«Счастливого плавания «Шхуна ровесников»! Документальная повесть. 1975. Москва, «Детская литература».

«Нам подниматься первыми». Очерки о юных героях Новороссийска и Кубани. 1976. Краснодарское книжное издательство.

«Комсомольско – пионерские посты». 1986. М. «Просвещение».

«Именем России нареченный». 1988. М. «Советская Россия»

(совместно с А.К. Еременко к 155 -летию г. Новороссийска)

«Юности честное зерцало». 1999. М. «Юнпресс».

«Подари мне, дорога, друга». Поэтический сборник. 2001.М. –«Острова детства». 2003. М. «Юнпресс».

«Бескозырка» через годы и столетия». 2008.М. «Мужество и гуманизм».

«Вечный огонь», ты гори не сгорай» ... 2008. М. «Мужество и гуманизм». Художественно-публицистические очерки 2009.

«Чтоб их не забывали мы...» 2009. М. «Мужество и гуманизм».

«Будь спокоен, Марат!» Художественная повесть для детей. 2010.

«Возвращение комиссара». Художественно-документальная повесть. Четыре издания 2009 – 2001.

Очерки К. Подымы в книжных сборниках:

Пора открытий начинается. 1982. Краснодарское книжное издательство.

Память зовет... 1985. «ДОСААФ СССР».

Откроем книгу почета. 1985. М. «Молодая гвардия».

Откроем книгу почета. 1987. М. «Молодая гвардия».

Газетные и журнальные материалы К. И. Подымы о героизме
Новороссийска, подвиге его отважных защитников:

«Его жизнь – подвиг». Первая публикация К. Подымы. В газете «Новороссийский рабочий». 1958.

«Наш общий дом Новороссийский рабочий». К 125-летию Новороссийска. 1963.

«Швартов – узы крепкие!» «Комсомолец Кубани». 1964.

«Парнишка из Тоннельной». Очерк в «НР» 1965.

«Гаврош из Новороссийска». «Комсомольская правда». 1971.

И еще более 200 материалов о городе и его героях, знатных земляках, делах молодежи города, опубликованных в «Новороссийском рабочем», «Комсомольской правде», «Советской культуре», «Советской России», «Черноморской здравнице», «Комсомольская жизнь», «Молодой коммунист», «Мурзилка», «Турист», «Клуб художественная самодеятельность» за 1958-2008 г-г.

Песни, посвящённые Новороссийску:

«Шагали ребята по жизни» ...	– 1964	Комп. В. Хмара.
«Песня о Павле Когане».	1965	Комп. В. Хмара.
«Мы с огненной Малой».	1968	Комп. Н. Чёрная.
«Курсантская песня» (ГМУ)	1975	Комп. В. Хмара.
«Песня о Вите Новицком».	1977	Комп. В. Хмара.
«Песня о В. Коккинаки».	1984	Комп. В. Хмара.
«Вахта памяти моей».	1989	Комп. В. Хмара.
«Возвращение в Новороссийск».	2004	Комп. Н. Черная.
«Проспект улыбки».	2006	Комп. О. Чиркун
«Ой, Кубань, Кубань – река».	2011	Комп. В. Морской
«Кадетская походная».	2011	Комп. В. Морской
«Колыбельная 300-тысячному Новороссийцу».	2011	Ком. Макс. BOND

Океанские и морские суда, названные по инициативе К. Подымы:

Контейнеровоз «Витя Новицкий» (1974) Советское Дунайское пароходство. (порт приписки – Измаил);

Танкер «Владимир Коккинаки» (1985) Новороссийское морское пароходство (порт приписки – Новороссийск);

Танкер «Георгий Холостяков» (1984) Латвийское морское пароходство. (порт приписки – Вентспилс);

Лесовоз – пакетовоз «Павел Корчагин» (1980) Северное морское пароходство (порт приписки – Архангельск);

Пассажирский лайнер (типа река-море) «Юрий Андропов» (1986)

Волжское речное пароходство (порт приписки – Нижний Новгород).

На всех судах – с помощью К. Подымы и экипажа «Шхуны ровесников» оборудованы мемориальные каюты кораблей – памятников.

Проекты, связанные с Новороссийском:

Молодёжно-патриотическое объединение «Шхуна ровесников»

создано 5 ноября 1965 года (при редакции газеты «Новороссийский рабочий»). За 1965 – 2011 в делах «ШР» и операциях, проведенных по ее инициативам, приняло участие около 450 тысяч человек. О «Шхуне» упоминается в 117 книгах, вышедших общим тиражом 2 млн. 780 тысяч экземпляров.

Дом-музей Николая Островского. Инициатива о его создании, (июнь 1968) информационная поддержка, проведение Всесоюзной акции «Клинок», посвященной памяти Н. А. Островского.

Операция «Бескозырка». Инициатива и проведение первых операций 1968, 1970, создание сценария третьей массовой операции в 1971 году.

Письма в Будущее. Инициатива (1967), отправка посланий в третье тысячелетие, погружение специальной капсулы-контейнера на дно Черного моря, к подножию Суджукского маяка.

Операция «Погибаю, но не сдаюсь» – в память о подвиге моряков Черноморского Флота (1978). Проведение и сценарий.

Творческий портрет Константина Подымы, светлого и талантливого человека, наиболее точно и ярко описан в очерке Виктора Борисовича Пахомова (поэт, очеркист, литературовед, критик, публицист, издатель, член Краснодарской краевой организации РСРП, заслуженный учитель России -

очерк приведён без сокращений) – ВОЗВРАЩЕНИЕ В НОВОРОССИЙСК – «ПОСЛАННИК ИЗ ДЕТСТВА КОНСТАНТИН ПОДЫМА».

И над Сахарною головой
Рассвет сияет нимбом алым,
И ветер, радостный и пьяный.
Полощет в небе синевой...
Я возвращаюсь в дом родной.
Звенит от криков чаек лето.
И, детством солнечным согретый,
Меня встречает город мой».

«Имя Константина Подымы знакомо многим новоросийцам. Флаг-штурман знаменитой «Шхуны ровесников», автор патриотической операции «Бескозырка», воспитатель целой плеяды творческих личностей, он много сделал для того, чтобы наш город был прославлен на всю страну, чтобы память о подвиге его защитников в годы Великой Отечественной войны стала основой самосознания приходящих в новую жизнь поколений.

Подыма – человек, исполненный необыкновенной доброты, остро чувствующий любую несправедливость, не предавший флаг веры своей пылкой комсомольской юности.

Судьба подарила ему близкое знакомство и дружбу со многими выдающимися людьми, среди которых маршал И.Х. Баграмян и вице-адмирал Г.Н. Холостяков, диктор Юрий Левитан, вдова Николая Островского Раиса Порфирьевна Островская и президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, лётчики Евгений Савицкий и Константин Коккинаки, кинодокументалист Константин Славин и поэт Лев Ошанин, народный артист СССР Муслим Магомаев, поэт Добронравов Николай, композитор Пахмутова Александра Николаевна, народный артист России Фельцман Оскар Борисович, народный артист СССР Хохряков Виктор Иванович, народная артистка России Сикора Ружена Владимировна, народный артист СССР Райкин Аркадий Исаакович, народная артистка СССР Лепешинская Ольга Васильевна, скульптор, народный художник СССР Цигаль Владимир Ефимович. Родился Константин Иванович Подыма 16 сентября 1946 года в Приморско-Ахтарске, на Кубани, в творческой семье. Главную роль в формировании его личности сыграли родители. Отец Подымы – военный журналист – прошёл всю войну от Киева до Софии и Белграда. Мама, Тамара Ивановна, в годы военного лихолетья организовала на Кубани подпольную группу «Юный мститель» и была связной Южного штаба партизанского движения. Отец и мать Константина работали в газетах «Комсомольская правда», «Советская Кубань» и «Красная Звезда».

В Новоросийске Константин оказался впервые в августе 1954 года. Тяжело болела бабушка, и мама, оставив журналистику, вновь обратилась к своей первой профессии – стала преподавать русский язык и литературу в школе № 62.

«Наверное, тяга к творчеству возникла у меня благодаря родительским генам», – признается Константин Иванович. Первые стихи он сочинил уже в три года. Затем, отдавая все свободное время книгам (Жюль Верн, К.Г. Паустовский, М.Ю. Лермонтов, А.И. Куприн), начал писать рассказы и стихотворения...

В 1958 году в газете «Новоросийский рабочий» появилась его первая заметка – о том, как китайский писатель Гао Ши Цы, парализованный и слепой, как Н. Островский, вступил в переписку с учениками 10-го коммунарского класса из школы № 62, в котором учился Константин.

Расширяя круг любимых авторов, Константин в подростковом возрасте и юности открыл для себя творчество А. Грина и Д. Конрада, одолел всего У. Шекспира. С трепетным чувством приобщения к чуду «запоем» читал киносценарии. Позднее, когда в доме появилась 8-мм кинокамера, сам стал снимать любительские фильмы. А в одном из них – «ЧП в первом отряде» – снялся Виталий Андреевич Лесик, бывший в 1965 году начальником пионерлагеря ВРЗ...

И все же Константин не относился к числу «книжных юношей», напротив, обладая энергичным и коммуникабельным характером, стремился к общественной деятельности, целенаправленно искал своё место в жизни, мечтал приносить конкретную пользу. После окончания средней школы № 18 пытался поступить в МГУ на факультет журналистики.

Бегло просмотрев папку с 98-ю вырезками, секретарь приёмной комиссии, устало подняв глаза и взглянув на 16-летнего абитуриента, тихо сказала: «У вас нет рабочего стажа, отправляйтесь домой, годика через два приезжайте снова», – вспоминает Константин Иванович. Пришлось возвращаться в

родной город. Как активного работника, его взяли в газету «Новороссийский рабочий» в качестве литературного сотрудника. Николай Данилович Кривошеин поручил начинающему газетчику заняться молодёжными делами. Так возникла идея создать юношеский литературно – патриотический клуб, получивший название «Шхуна ровесников».

На снимке – К. Подыма сидит на скамье с членами «Шхуны ровесников» перед палубным сбором у здания редакции «Новороссийский рабочий» на пересечении улицы Карла Маркса, 16 и бульвара на ул. Мира.

На волне искреннего патриотизма «шхунаты» сумели создать жизнеспособное общественное движение. При этом они вовлекли в свои ряды не только множество знаменитых земляков и

соотечественников – от военачальников до поэтов и композиторов, но, и главное, – своим примером доказали, что молодёжь способна бережно хранить и продолжать традиции и заветы своих дедов и отцов, боровшихся за установление справедливого общества.

На снимке – зажжение факела первой «Бескозырки». (Справа - малоземелец Елена Ивановна Остапенко и К. Подыма у вечногo огня.

Именно члены «Шхуны ровесников» с подачи и под руководством Константина организовали операцию «Бескозырка», они были причастны к открытию в нашем городе музея Н. Островского, занимались поисками героев Великой Отечественной войны. «Шхунатики» установили на вершине Сахарной головы памятник-флаг поэту Павлу Когану, у которого проводили палубные сборы, на которых принимали новых курсантов в экипаж «ШР» и наиболее важные решения...

Юных патриотов объединяла любовь к своему городу, гордость за его необыкновенно бурную и драматическую историю.

Ведущую роль в деятельности «Шхуны» играл сам Подыма, а также его верные друзья и соратники. О деятельности организации Константин Подыма написал две книги – «Счастливого плавания, «Шхуна ровесников» и «Нам подниматься первыми».

Эти книги исполнены высокой романтики, совершенно чуждой официозного пафоса. По ним можно с полным основанием судить о советской молодёжи 60 – 70-х годов, преданной идеалам революции и жившей грандиозными свершениями своей великой Родины – СССР.

Главное внимание в своих книгах автор уделяет поисковой работе «шхунатиков», возродивших память о героях войны, которые погибли в совсем ещё юном возрасте, сражаясь за Новороссийск и Кубань: Вите Новицком и Павле Когане, Юре Сазонове и Дмитрие Шервашидзе... К их образам Константин Подыма будет возвращаться на протяжении всего творческого пути.

Стихотворения Подымы, написанные в 60-е – 70-е годы, отличаются яркой романтической образностью, порывом к добру и справедливости, отстаиванием положительных нравственных качеств, какой-то юношеской восторженностью, предощущением большой и прекрасной судьбы.

Легко идти на рассвете
У берега бурного моря,
Шагать по тропинке горной,
Над бездной у моря шагать...
А жить хорошо на свете!..

Несомненно, поэзия Подымы испытала влияние романтического творчества Горького и Гайдара.

Так, стихотворение «Моё сердце» заставляет вспомнить горьковскую легенду о Данко. Молодой поэт утверждает:
«Сердце моё... большое, как солнце, даже больше солнца!» Смысл жизни он видит в том, чтобы «не тлеть – гореть и – умереть в борьбе».

В настоящее время, когда прежние идеалы осме-

яны, а Советский Союз разрушен злой волей корыстолюбцев и бесчестных политиканов, некоторые строчки Подымы кажутся присланными из другой реальности, как и письма членов «Шхуны ровесников» в XXI век. Очевидно, что судьбой и творчеством Подымы руководили стремление к неустанным странствиям в поисках новых чудесных встреч и открытий. «Жажда простора и жажда движения в нас возникают, наверно, с рождения...» – писал он в одном из стихотворений.

Стихи Подымы легко ложились на музыку и становились песнями: «Не тронь тишины», «У юнги сердце моряка», «Мир отчаянно мал», «Не проиграйте бой» и другие.

Патриотизм утверждается в них как главная нравственная ценность. Без преувеличения можно сказать, что Новороссийск, послужив темой для произведений, дал начинающему автору творческие крылья.

Окончив Всесоюзный институт кинематографии, Константин Иванович работал в Москве в Госкино России, стал сценаристом двух десятков документальных и научно-популярных кинолент, объездил почти весь необозримый Советский Союз, как он писал, «пропараллелил параллель». Однако его всегда тянуло к родным берегам Чёрного моря. В 1988 году совместно с А.К. Еременко К.И. Подыма написал книгу «Именем России наречённый», ставшую одним из лучших исторических произведений о Новороссийске.

Основное внимание в общественной деятельности и творчестве Подыма всегда уделял работе с молодёжью. На стыке веков, уже после распада СССР, он издал художественно-педагогическую трилогию: «Юности честное зерцало», «Завещание сыну» и «Острова детства». Эти книги, по сути, являются новаторскими и состоят из дидактических глав-наставлений, созданных на основе исторических примеров и адресованных юным читателям.

Характерно, что среди героев, приводимых автором в качестве образцов для подражания, множество тех, кто связан с историей Черноморья и Новороссийска: адмиралы Лазарев и Нахимов, поэт Бестужев-Марлинский, юный патриот Витя Новицкий.

Сборники стихов Подымы «Подари мне, дорога, друга», «Мы уходим в рассветы» и «Человек рождён для счастья» позволяют говорить об их авторе как о состоявшемся поэте. Лирический герой его стихотворных произведений – человек неуспокоенный, готовый бороться с подлостью и злом, превыше всего ценящий в людях духовную силу и чистоту. Он убеждён, что у «истины высокая цена», но в её поиске поможет друг:

Дружить – не только хлеб сухой делить,
Смеяться или сладко вместе плакать.
Но это – жить предчувствием атаки,
От пули чтобы друга заслонить!

Мир рисуется поэтом не только в радужных красках. Автор понимает многосложность и противоречивость мира, призывая творить добро. Некоторые стихотворения, особенно 90-х годов, ностальгически грустны:

Где тот заветно-радостный порог?
Погас очаг, где можно в дождь согреться...
Через сплетенье тропок и дорог
Несу своё тоскующее сердце...

Стихотворение «Оставляю вам...» похоже на завещание, хотя поэту ещё рано подводить итог жизни:

Оставляю вам все.
До конца, до остатка
Все берите, друзья,
Ничего мне не жалко...
Оставляю рассвет,
Горы, моря раздолье,
То, что жарко любил,
Оплатил своей кровью...

Перемены, произошедшие в Отечестве и приведшие к построению чиновничье-олигархического капитализма, когда большинство честных тружеников оказались на грани нищеты, внесли в творчество К. И. Подымы драматические ноты. Однако, будучи оптимистом по натуре, поэт не впадает в беспросветную тоску, надеясь на то, что Россия все равно одолеет все напасти и выйдет на верную дорогу. В стихах он создаёт убедительный художественный автопортрет:

Я посланник из вашего детства.
Я, быть может, немного смешон...
Торопитесь понять и взглядеться:

Путь мой длинен, зато предрешён...
Обнажённостью каждого нерва
Я вбираю нещадно в себя
Все, что надо испытывать первым...

Творчество нашего земляка получило широкое признание. Он был принят в Союз профессиональных литераторов, Союз литераторов г. Новороссийска, Союз кинематографистов России, стал членом Союза писателей России, лауреатом Премии им. М.В. Ломоносова...

Несмотря на огромную творческую и общественную нагрузку, Константин Иванович часто приезжал в город на берегу Цемесской бухты, поэтому очень искренне звучат слова его песни «Возвращение в Новороссийск»:

Когда грущу в краю неблизком,
Со мной огни Новороссийска.
Мерцает золотом прибой.
Здесь мой причал. Здесь дом родной –

У доброй бухты – город мой...

Делясь своими творческими планами, писатель отмечает: «Хотелось бы продолжить новороссийскую тему. Закончить роман-хронику о пионере-герое Вите Новицком. Издать сборник избранных стихотворений, написать повесть о современном молодом новороссийце, вступающем в жизнь...

Тема Новороссийска, по-моему, неисчерпаема. Сколько ещё не раскрыто, не написано, сколько загадок ещё хранит наша славная земля, зовя к поиску, одаря вдохновением. Спасибо ей за это. Низкий поклон и доброй земле этой, и тем, кому суждено и дальше жить, и творить под светлым солнцем Новороссийска».

Родной город оценил вклад Константина Ивановича Подымы в развитие самосознания его жителей и вклад в культуру Черноморья: писатель был признан «Человеком года Новороссийска» и удостоен Гран-при «Общественной премии имени Н.Н. Раевского-Младшего» в 2005 году и в 2017 году посмертно – «Духовное имя Кубани».

Прощание с капитаном

Трагедия произошла 23 апреля 2013 года в Москве, где после окончания учёбы в институте кинематографии жил и трудился Константин Иванович. Скоропостижная смерть настигла его в коридоре поликлиники, куда он пришёл на приём перед отъездом в Новороссийск. Уже заранее был куплен билет для творческой поездки в любимый город, где планировалась работа над книгой о юном герое Вите Новицком. Друзья ожидали его в мае жизнерадостного и полного планов, а получили урну с прахом, который он заранее, в поэтической форме завещал развеять у Суджукского маяка в горячо любимой им Цемесской бухте. После смерти Константин был кремирован в Москве и урна с прахом доставлена в город.

21 мая в 2013 года, после траурного прощания общественности в малом зале Морского культурного центра, друзья на катере вышли в Цемесскую бухту и предали морю его прах у Суджукского маяка.

Прощай, капитан. Пока живём, мы будем помнить...

Но лучшая память о настоящем патриоте, много сделавшем для города Новороссийска, воспитавшем десятки тысяч юных патриотов, по общему мнению, во время опроса на НТВ – увековечить его имя в названии одной из улиц в новом микрорайоне города. Для этого потребуется упорство и воля городской общественности и искреннее желание администрации Новороссийска...

Будет символично, если «Истоки» заранее инициируют обращение в топонимическую комиссию города о рассмотрении вопроса по присвоению имени К. И. Подыма одной из новых улиц в Новороссийске. И уже сейчас, в канун пятилетия его ухода из жизни, начнут для этого сбор подписей к ходатайству общественности

Их голоса звучат до ныне

Александр Иващенко

Другая жизнь

Рассказ-монолог

У него вечно небритое, щетинистое, землистого цвета лицо, нечёсанные, засаленные, сбившиеся в колтун волосы, мятая одежка, стоптанные башмаки, грязные руки, странная блуждающая улыбка и тоскливый голодный взгляд. В руках - дешёвые полиэтиленовые пакеты с каким-то барахлом. Голос хриплый, надтреснутый, безразлично-спокойный, иногда ироничный, иногда более чем ироничный... ... От меня, наверное, за версту несёт псиной, кошатиной, козлятиной, тухлятиной и всеми прочими запахами помойки. И вас, конечно же, раздражает этот специфический бродяжий запах. А мне ничего. Привык, знаете ли. Когда вхожу в троллейбус или магазин, или ещё в какое-нибудь присутственное место, вокруг меня тут же образуется пустое пространство, в котором я, впрочем, чувствую себя вполне комфортно.

Да, я изгой. Но и мне бывает приятно ощущать свою исключительность. Я своеобразный прыщ на заднице нашего общества, беспокою совсем некстати весьма почтенную публику уже одним своим появлением.

Ах, дама, пожалуйста, не смотрите на меня так укоризненно, а то я, чего доброго, вдруг пукну от отчаяния и тем самым надолго испорчу вам аппетит. Ну, не хмурьте так ваш такой очаровательный напудренный носик. От этого вы ведь можете потерять свой товарный вид. А вам этого допускать ну никак нельзя. Без него-то вы стоять будете не более чем я...

И не забывайте, пожалуйста, что все мы на земле - братья и сёстры. И все мы временны. Увы!

Я ваш брат по несчастью, уважаемые дамы и господа нового мира. Мира, надо полагать, ещё более продвинутого и чудесного, чем тот, в котором мы родились, жили и от которого с такой лёгкостью отrekliсь. А теперь нередко и локти кусать пытаемся - я говорю об абсолютном большинстве, оказавшихся на грани, которые и рады бы назад отрулить, да поздно. Прохлопали, профукали мы своё прошлое. Облапошили и обворовали нас с вами лихие люди. И ведь, по сравнению с нами, их-то всего ничего. А сумели... Молодцы, сволочи! А вот мы с вами совсем не молодцы. Растяпы мы. И вы, и я...

Да, я ваш брат, по несчастью. Но моё несчастье другое. Более откровенное и более дурно пахнущее.

Мой тошнотворный запах, моя замызганная до крайности одежка - всё это и мой, с позволения сказать, имидж, и моё наказание, и моя палочка-выручалочка. Ну, скажите, какой мент-чистюля (из тех, кто, как говорится, в здравом уме и трезвой памяти) захочет возиться со мной таким, руки об меня пачкать, когда вокруг столько иных возможностей пару копеек на пиво с водкой и бутерброд с сосиской срубить? Иногда, правда, всё же пачкают. Из тех, кто помоложе. В качестве груши боксёрской пользуют - для отработки ударов.

Но это ничего. Это терпимо. Вот с малолетками праздно шляющимися, с теми хуже. Те, прямо, борзят. Особенно когда под балдой или под дозой. Это ж для них такой кайф - какого-нибудь замухрышку бездомного, незащитного всей компанией - сначала кулаками, а потом и башмаками - до полусмерти, а то и до смерти отходить.

Бьют, сволочи, недоноски, и кричат: «Мы волки, мы санитары леса, очищаем пространство от дерьма... Даёшь его! Ещё, ещё... Ишь, мразь, живучий какой...» И такие все герои. Им же за это ничего

не будет. Подумаешь, тлю подзаборную употребили... И снова: «Мы волки, волки...» Только никакие они не волки - шакалы. И шакалами навек останутся. Потому что люди, у которых нет ни капли сострадания к другим, им подобным, не люди, а шакалы.

Впрочем, вы тоже, друзья мои, далеко не ангелы. Ох, как мне противна ваша ежедневная мышьяная возня, ваша скотская толкотня и грызня у тёплых кормушек, ваши подковёрные баталии за место под солнцем. Ваша мелочность. Ваша ничтожность. Ваше щеголяние друг перед другом добытыми (считай, вырванными из чужого горла) благами.

Мне всё это не нужно. Ни ваши навороченные мобильники, которые вы демонстрируете кстати и некстати. Ни ваши сверкающие лаком лимузины, которые достаются вам с европейских свалок. Вы так гордо, так пренебрежительно взираете на меня из своих заоблачных высот, но чем, извините, вы лучше меня, господа? Вы ведь тоже питаетесь с помоек. Только более комфортабельно обставленных, более высокого ранга. Во всём же остальном вы не более чем муравьи. Или даже - жуки навозные.

Вижу, вы вот тротуарчики ныне бодренько благоустраиваете, тут и там на фасадиках марафет наводите - в духе времени и пожеланий отдельных его высокопоставленных представителей, прихорашиваетесь по случаю, покупки делаете, в праздничных колоннах шагаете, а от меня и таких, как я, взгляд стыдливо отводите или, как та вот дама при соболях и охраннике, таращитесь недовольно: мол, что это за чучело такое - ископаемое, дурно выглядящее и дурно пахнущее...

Да что уж там. Не одни вы такие. Я ведь тоже - было время - бодренько вышагивал в стройных колоннах, приветствующих сначала социалистическое, а потом и капиталистическое будущее. Вышагивал, вышагивал, да и довышагивался. Оглянулся однажды, а вокруг - не лица людские, а сплошь личины. Жульё, ворьё, зажравшиеся бюрокрашки, чиновничья орава с протянутыми для взяток ручками-загребучками, нудящая вечно одну и ту же песню: «Дай, дай, дай...» А ещё друзья, готовые в любой удобный для этого момент ножку тебе подставить.

Не знаю, как с другими, а со мной так оно и произошло: по классической схеме - предложили сделку, уверяли - верная, я поверил, а надо было десять раз перепроверить. Словом, кинули меня друганы мои верные, по полной программе кинули. Враз всего лишился. Всей видимости благополучного существования: и движимости, и недвижимости. А заодно и семьи. Не нужен стал. Кончилась любовь-морковь. Завяли помидоры. Развод оформил, документы на квартиру на свою бывшую супругу переоформил, с дочкой попрощался - она маленькая ещё была, ничего не понимала - и... куда глаза глядят. От дома бывшего своего подальше.

Как теперь живу? А разве по мне не видно - как? Как карта упадёт. Перебиваюсь. Раньше подрабатывать кое-что удавалось. А последнее время всё больше на мусорники ориентируюсь. Я ведь не только в фигуральном, а порой в самом прямом смысле с помойки питаюсь. Обьедками всякими. Тем, что для собак и кошек бездомных выставляют сердобольные хозяйки.

И одеваюсь тоже с мусорника, что с помойкой рядом. Туда иной раз вполне приличные шмотки выбрасывают. С покойников, наверное. Родственники сами носить брезгают, опасаются, должно, как бы на них не переключилась хворь умерших. А мне какая разница, с кого эта тряпка мне досталась - с живого ли, с мёртвого... Все там будем. Чего мне бояться, если я и сам давно уже считаю, что умер.

А то, что, жив ещё - так это одна видимость. Шебуршу, суечусь... на пропитание собирая по крохам. Всё больше бутылками пивными да водочными пробавляюсь. А когда и милостыню просить приходится. Кто подаёт? Конечно же, не те, что в «мерседесах» да в джипах раскатывают. Те благотворительностью уж точно не занимаются. А подают, что удивительно, как раз те, кто сами с хлеба на воду перебиваются. Им-то как раз сострадание и ведомо. А всем этим, которые «челсями» балуются да друг перед другом шлюшками своими длинноногими похваляются, им не до нас - грешных. Не до России-матушки. Как, впрочем, и нам не до них. Что они нам...

Словом, живу я тихо, скромно. В основном, по совести. Закон, по возможности, стараюсь не нарушать. Не граблю. Не убиваю. Любопытных зелёных дурочек или перезрелых сердобольных доверчивых дурёх - не насилую. Беззащитных стариков из их жилищ не выживаю. Последнего ни у кого не отбираю. Случается, подворовываю иной раз, но всё больше по мелочам. Если где-то что-то совсем уж плохо лежит. А чтоб по-крупному - ни-ни...

Иногда, когда уж совсем бывает немоту, цветочками с могилки перебиваюсь. Собираю те, что получше, и оптом сдаю знакомой цветочнице. Когда по полтинничку, а когда и по рублю! И ей выгодно, и мне - копеечка на пропитание. А то и на поминовение покойничков ваших. Вы уж простите меня, беспутного, за грех этот мой, дамы, господа и товарищи, а также - братья и сёстры православные и представители прочих конфессий. Вы свой долг уже выполнили перед близкими своими, вам

уже зачлось на небесах, а мне без них, без цветочков ваших, иногда ну просто край. Не от злой воли творю это, а от безысходности.

Случается - подличаю. Бывает. Каюсь. В основном по пьяни великой происходит сие. Да и то по мелочам. Например, гажу ночью посреди тротуара. Или обливаю мочой запечатанные двери подъездов. Но, прошу заметить, делаю это всегда в ответ на чужое хамство. На оскорбления. Делаю это от обиды отчаянной, когда волком выть хочется, на стену лезть, затем, чтоб и обидчики мои хоть на миг почувствовали, каково это пребывать в дерьме. Каково это годами, десятилетиями быть выброшенным из мира людей в мир дурно пахнущих живых теней.

Знаете, каково это изо дня в день брести по улицам, не ведая куда, не понимая зачем, и слышать брошенные тебе вслед, походя, беспощадные, как приговор, слова: «вонючка», «скунс», «бомж» ...

А это ведь неправда, что я — «без определённого места жительства». Есть у меня жилище. Правда, не столь благоустроенное, как у большинства граждан, но всё же... Есть у меня подвальчик мой. Для кого-то он нежилой и вообще никакой, по причине катастрофически низкого потолка и плесени на стенах. А для меня он домом родным стал. Другое дело, я в нём не прописан и никак не демонстрирую своей к нему причастности. Но я обретаюсь в нём. Проникаю туда вечером, попозже. Чтоб никто не видел. И коротаю там ночки свои. Есть там у меня и ложе для отдыха - вполне сносное, и труба горячего отопления под боком. И водопровод. И даже электричество есть. Для кипяточка. Чайком с утра, по старой привычке, побаловаться. Вот только свет зажигать нельзя. Засекут. Выдворят. Но я и без света привык управляться. Голь, знаете, она на выдумки горазда. Из ничего конфетку делает. Вот и я к тому стремлюсь.

Особенно я праздники люблю. Никак от этой привычки избавиться не могу. Может, это потому, что в праздники на помойку всяких недоеденных разносолов больше выбрасывают... Скорее всего, так оно и есть. А сколько бутылок! Стоят они копейки - вот народ и не хочет с ними возиться. Зато таким, как я, такая роскошь. ... Бутылка тёмного стекла - шестьдесят копеек, светлого тридцать. Собрал, сдал, рублики пересчитал, что надо купил, заначку, куда подальше, припрятал - на чёрный день и чувствую себя, как говорится, кумом королю и сватом премьер-министру.

Ну, сколько там мне надо на жизнь... Сущая малость. На хлеб восемь рэ. На тройной одеколон (для согрева души) - ещё десять рэ. Ну, ещё на всякие всякости - когда десять, когда двадцать или около того... Итого - сорок. Вот и весь мой дневной расход. На курево я принципиально денег не трачу. Стреляю, у кого придётся. А то - «бычки» собираю, какие побольше, понедоку- ренней. Вытряхиваю табак и пользуюсь. Вместе, когда сгребёшь всё это разнообразие табачное и козью ножку соорудишь - такой букет волшебный получается. Ну, а в праздники, конечно, больше тратиться приходится, в сороковку уж тут не уложишься. Но на то они и праздники. В праздники и у меня, как и у вас, между прочим, тоже стол более разнообразный. Но одно блюдо неизменно - хлебно-алкогольный коктейль «Кукиш». Кушанье - сногшибательное. В прямом и переносном смысле. А делаю я его так: буханочку беру обычного серого хлеба, горбушку с одной стороны аккуратно срезаю, выгребаю выемочку, тихонечко туда полбутылки пива выцеживаю, потом накапываю туда же дополнительно всё, что Бог послал - и водочки, и винца, и тройного одеколончика толику... для аромата. Всё это аккуратно размешиваю, возлегаю на ложе своё потаённое и ложечкой, не торопясь, вычерпываю пищу эту благодатную, вкушаю её глоточек за глоточком, сигарочкой-самокруткой попыхваю - для полноты ощущения момента, а под конец корочкой хлебной оставшейся закусываю. И такое блаженство овладевает мною. И так я всему рад. Самой малости малой. И всем доволен. И тем, что есть у меня моё тайное место в подвале, и тем, что меня оттуда никто не выгоняет, и тем, что могу я лежать там, на ложе своём, и мечтать, и вспоминать... И не надо мне ни театра, ни кино, ни телевизора. Мне одних моих мечтаний-вспоминаний на всю оставшуюся жизнь хватит. Там ведь всё такое светлое, доброе, обещающее нечто...

Детство часто вспоминаю: маму, отца, пятёрки мои школьные, недоразумения всяческие, книги интересные, учителей, сверстников. Иногда плачу... От счастья. Особенно, когда вспоминаю нашу первую семейную поездку к морю. Мы, тогда как раз здесь отдыхали, на побережье, беспутёвочно... Представляю тех людей (многих из них уже нет), то замечательное время (оно тоже уже кануло в никуда) и целых три недели счастья (оно всегда со мной, оно нескончаемо, как нескончаема и посетившая меня именно здесь первая любовь. Глупая. Красивая. Без всяких врак и бяк).

Я ведь, когда друзья мои кинули меня, наверное, потому сюда и подался, что именно здесь прошли мои самые золотые, самые беспечальные дни.

А совсем один сейчас я потому, что никому не верю больше. И ни на что не надеюсь.

...Вот скоро уже совсем тепло будет. Совсем хорошо. Лето придёт. На море ходить буду. Такая благодать - плескаться в морской водичке или загорать голышом на каком-нибудь безлюдном мысочке. Как в детстве бывало — лежишь беззаботно себе под огромным голубым небом, и никого вокруг, и ничего. Только ты и вечность. И мысли все такие высокие, светлые, радостные...

А не доживу вдруг до лета, помру вдруг - тоже хорошо. Тоже справедливо. Потому что отжил уж своё. Потому что всё равно меня, как такового, давно уже нет. Есть только тень моя.

Да и ближайшее наше с вами будущее всеобщее видится мне совсем не в романтических тонах. П видится оно мне, увы, таким: все благословенные зелёные островки жизни уже поделены. Места распределены. Успевшие их занять - благоденствуют. А прочие... о них тоже уже позаботились - об их переселении, куда подальше. А на тех, кто упрямится, сопротивляется, не желает подчиняться новым установлениям, уже и лицензии специальные выданы - на отстрел. Дабы не портили общую картину нарождающегося общества благоденствия.

Это, конечно, всего лишь мои фантазии на очень грустную тему. Но что, если вдруг они начнут становиться реальностью, эти фантазии?

И вот думаю я в связи с этим: сколько же тогда таких лицензий нужно будет выдать, чтобы мы вам больше не мешали, не досаждали, не напоминали своим видом, что есть и другая жизнь. Горькая. Несчастливая. Третьесортная. Жизнь, от которой, кстати, и вам, господа, зарекаться не следует. Все ведь под Богом ходим. А ну, как и вам выпадет пройти по жизни моими дорожками?..

2003, 2004 г.

И ВСЁ-ТАКИ...

И всё-таки великий Дарвин был не прав.

Не человек произошёл от обезьяны, а совсем наоборот - обезьяна произошла от человека.

От человека, потерявшего человеческий облик, человеческое достоинство.

Кстати, процесс этот, к сожалению, интенсивно продолжается и сегодня. И чтобы убедиться в этом, нет надобности в каких-то особых учёных изысканиях. Достаточно просто оглянуться вокруг себя...

Ну, не обезьяний ли это заказник?

Какое унылое, одноклеточное, животное однообразие и мыслей, и чувствований, и желаний...

Но - какая воинствующая, хамская устремлённость устроиться в жизни получше (за счёт кого-то другого), урвать, отобрать, из горла вырвать (у себе подобного) кусок побольше, полакомее...

Какая бесконечная череда кандидатов в будущие гориллы, шимпанзе, орангутанги, макаки и т.д., и т.п.

И - о Боже! - как до обидного мало нормальных человеческих лиц и нормальных человеческих поступков.

ЗДРАВСТВУЙ, СЕРДЦЕ!

Пожалуйста, не стучите в дверь сердца моего.

Оно открыто.

Для всех.

Даже для тех, кому и искать-то там вроде бы и нечего. Потому - не стучите.

Но просто войдите и скажите:

– Здравствуй, Сердце!

И оно ответит:

– Здравствуй, Человек!

– Здравствуйте, Люди!

Светлана Летт

Старая фотография

Когда мама открывала наш семейный альбом, она непременно брала в руки эту фотографию и долго молча разглядывала ее. И словно время поворачивало вспять, словно тихий голос звал издалека, звал оглянуться и увидеть то, что было когда-то дорого и близко.

Кто-то сказал, что обо всем нужно писать вовремя, чтобы не притупилось чувство новизны восприятия. Не ушли из памяти детали. И в этом есть тихая грустная правда. Ведь тогда и живут трепетно на бумаге слова, и так хорошо, светло и просторно душе, что веришь: тот, кто прикоснется к строкам, тоже ощутит боль и радость пережитого, красоту и печаль увиденного. И захочется, не оглядываясь на бесполезную мысль «А кому это надо?..», плести неспешно вязь чувств и мыслей, веря, что отыщется родная душа, которая откликнется на призыв стать несуетным собеседником.

Но время неумолимо. Детали, в которых есть искренность и даже живая плоть событийности, уходят, стираются грани их восприятия. Начинаешь выдумывать недостающие детали, но в них нет теплоты и света. И досадуешь до слез, а краешком души чувствуешь: вот оно, близко, сейчас откроется, и разрешишься от тяжкого и сладкого бремени, и на этот раз удастся уйти от горечи поражения.

С источником детства все по-другому: он неиссякаем и чист, и сквозь его незамутненные воды видится многое. И не надо ничего придумывать, только потянись душой к нему, подставь под родниковую очищающую влагу усталые ладони, и расточительно живущая сегодня душа бережно, по крупицам соберет те детали, дни, минуты, лица и судьбы, которые, казалось, ушли в суете будней, канули в небытие, забылись, исчезли, потерялись во времени.

...На фотографии я, шестилетняя, сижу в старом плетеном кресле, на лице такая счастливая улыбка, что, кажется, нет на свете счастливее человека. В коротких волосах съехавший к уху бант. Рядом мама, задумчивая, печальная. На фотографии нас двое, но, когда мы разглядывали ее, вспоминали третьего, он был рядом.

- Ты помнишь того старика? - спрашивала мама и сама себе отвечала: - Нет, конечно, не помнишь, слишком мала была...

А когда я говорила, что помню старика-фотографа, мама удивлялась:

- Нет, ты, пожалуй, не помнишь его...

...Стоял теплый солнечный день, душный от запаха белых лилий, которые росли в скромном палисаднике под нашим окном - палисадник был огорожен потемневшим потрескавшимся от времени низким штaketником, и гордые лилии, излучая непорочную белизну, казались оскорбленными таким соседством фарфоровыми красавицами. Во дворе застыла полуденная тишина: ребятишки умчались к морю, прихватив с собой плавсредство - камеру от грузовика, двери квартир распахнуты настежь, сонно шевелятся лишь марлевые занавески - по углам в них вшиты камешки, чтобы ветер не поднимал невесомые лоскуты марли. В такое время хозяйки почти не выходили во двор.

...А мы в тот день торопились в фотомастерскую, потому что мне исполнилось шесть лет и мама решила запечатлеть этот важный момент моей жизни, а фотографию отправить отцу, который жил далеко от нас. Когда мы выходили со двора, мама окинула меня критическим взглядом, причесала не подчинившиеся банту вихры, больно стерла носовым платком со щеки сиреневое липкое пятно от шелковицы и крепко взяла меня за руку.

В большой фотомастерской на центральной улице нашего городка нас встретил веселый толстый человек с жесткими, как щетка, усами. Он все время чему-то улыбался и ласково поглаживал пухлой рукой блестящую лысину. Наверное, он пытался обнаружить на ней остатки волос. Толстяк подмигнул мне, как старой знакомой, и весело объяснил, что фотомастерская сейчас не работает, в помещении идет ремонт. Действительно, пахло краской, свежей побелкой, пол был забрызган сухими пятнами извести.

- Как же так? - огорчилась мама. - Я хотела сфотографировать девочку... У меня сегодня свободный день.

Толстяк на минуту задумался, даже как будто огорчился вместе с мамой, но потом снова обрадовался, разулыбался и успокоил ее:

- Вы зря переживаете, гражданочка. Здесь недалеко живет мой знакомый фотограф. Это старый мастер, который не зря ест свой хлеб. Я дам вам адрес, останетесь довольны...

Оказалось, фотограф жил на нашей тихой тенистой улице. Улица была короткой, всего четыре квартала, один ее конец упирался в городской рынок, другой - в ворота городского парка. Дом фотографа затерялся в ее начале. Узкий тротуар с заметными выщерблинами, статные каштаны, давно погасившие свои свечи, старый тутовник, бесформенный ствол которого, как волосами, был густо покрыт короткими молодыми побегами. К деревянному, крашенному зеленой

краской забору, была приколочена маленькая самодельная витрина. Из-за стекла нам приветливо улыбались незнакомые люди. Почему-то больше было старых и усталых лиц, словно все эти люди не дотянули до большой фотомастерской в центре и снимались здесь, по пути, обрадовавшись, что не надо идти дальше.

Мы вошли во двор и оказались перед потемневшей от времени верандой, густо увитой диким виноградом. Под деревьями, в высокой траве стоял плетеный стол и такое же кресло. В глубине веранды отсвечивала холодным стеклянным блеском дверь. Навстречу нам вышел невысокий худой старик с седым ежиком волос. Рукава клетчатой рубашки были коротки, и жилистые кисти с удивительно тонкими длинными пальцами, казалось, давно выросли из них, поверх рубашки была надета темная теплая безрукавка. Видно, мерз старик, несмотря на летнее тепло. Он как-то странно моргнул, глядя на маму

сквозь

тонкие круглые очки, и спросил:

- Вы ко мне?

- Нам нужен фотограф...

- Так это же я! - откровенно обрадовался старик. - Мадам

хочет сфотографироваться?

- Нет, - почему-то смутилась мама. - Вот дочку хотела

сфотографировать... - И легонько подтолкнула меня к старику.

- Какая хорошая у вас девочка! - по-стариковски умилился он. - Заходите!

Мы поднялись по ступенькам. Некрашенные половицы веранды были тщательно выскоблены и поскрипывали под ногами. Пахло хозяйственным мылом, жареной картошкой и сапожным кремом. Мама хотела сбросить туфли, но старик испуганно выбросил вперед раскрытые ладони:

- Что вы, что вы, мадам! Зачем?..

Мне было смешно, слово «мадам» казалось старомодным, но мама не обижалась и спокойно разговаривала с фотографом.

- Муж уехал на время, - почему-то виновато говорила она, сама веря в свою ложь: надежда на его возвращение давно иссякла. - Вот и хочется, чтобы посмотрел, как растет его дочь.

- Конечно, мадам, конечно! - радостно суетился фотограф, останавливаясь на мгновение, окидывая нас внимательным взглядом. - А почему мадам не хочет сфотографироваться со своей дочуркой? Мадам такая красивая... Муж будет рад.

Мама смутилась, не решаясь сказать, что нужна только моя фотография. Но потом благодарно посмотрела на старика и присела рядом со мной. Старик принес из комнаты ящик, установил на треногу, несколько раз пересаживал нас, крутил холодно поблескивающий глаз объектива.

- Скажите, почему вы не работаете в фотомастерской? -

- - О-о, мадам, это не очень интересная история...

Неожиданно резко заскрипела дверь, мы обернулись и увидели вышедшую на веранду маленькую седую женщину. Она шла медленно, короткими шаркающими шажками. Равнодушно глянула на нас и молча скрылась за другой дверью.

- Что ты хотела, Манечка? - крикнул ей вслед старик, но не дождался ответа.

- Жена... - Он снова повертел глаз объектива и вдруг доверительно сказал: - Мы - одесситы, до войны жили в Одессе. Какой город! Вы когда-нибудь видели Одессу? Сын у нас был, за день до войны ему исполнилось восемнадцать. О, если б мадам видела Лёву! Умный мальчик. Погиб он здесь, в этом городе. После войны нам помогли разыскать его могилу, и мы с женой решили перебраться сюда, поближе к сыну. Друзья отговаривали нас, ведь мы всю жизнь прожили в Одессе. Конечно, сначала я работал в мастерской, да вот жена заплошала совсем, болеет. Пришлось на дому работать... Но мадам пусть не волнуется, - заторопился, засуетился старик, - у меня есть патент!..

- А я и не волнуюсь, = успокоила его мама. - И часто к вам приходят... - она подыскивала слово.

- Мадам хочет сказать: клиенты?

- Да, да!

- Меня еще плохо знают. Сначала редко приходили. Бывало, за весь день никто не заглянет, а сегодня вы - уже третьи. Знаете, на кусок хлеба хватает. А большего мы у Бога и не просим... - Резко вскинул вверх тонкий длинный палец, приподнял брови: - Подождите!..

Он вынес из комнаты тяжелый коричневый альбом и осторожно провел ладонью по обложке, стирая тонкий белесоватый слой пыли, осторожно сдул невидимую пыль с ладони.

- Разве сейчас так снимают? - спросил он, показывая маме фотографии. - Нет, сейчас так не снимают...

Я давно утратила интерес к разговору, вертелась во все стороны и уже потихоньку начинала ныть, просясь домой. На короткое время меня отвлекла стрекоза, я помчалась за ней, больно обжигая о тугую хлесткую траву ноги, наткнулась на плетеное кресло и нахально заявила, что хочу фотографироваться только в нем. Мама рассердилась, а старик погладил меня по голове и ласково сказал:

- Не надо на нее сердиться. Слово клиента для нас закон. И что такого, если ребенок хочет сниматься в кресле? Может, в эти минуты она построит воздушные замки, которые потом разобьются о реальность. Это печально, но если не будет воздушных замков, вся жизнь покажется тоскливой дорогой...

Он быстро спустился во двор, подхватил на плечо кресло.

- Давайте помогу! - бросилась ему навстречу мама.

Но он уже опустил кресло на пол и только тогда посмотрел на маму, виновато усмехнулся:

- Думаете, слабый, больной старик? Я как дуб - вали, не свалишь...

И расправил свою узкую грудь. От этого стала заметнее его несхожесть с крепким деревом.

Я сидела в кресле, болтала ногами, а рот растягивался от счастливой улыбки - много ли надо для счастья в воздушном замке детства? Мир ласков и надежен, и таким, верилось, он будет всегда, и всегда рядом будет мама.

Потом фотограф проводил нас до калитки, мама расплачивалась с ним, а он, неловко принимая деньги и словно стыдясь этого, говорил:

- Заходите!.. Только, Господь упаси, не подумайте, что приглашаю ради денег. Заходите просто так. Мы одиноки в этом городе. Я расскажу вам о Левушке. Он был хороший добрый мальчик...

Мама неуверенно обещала зайти когда-нибудь в гости. Если будет время. И он понимающе кивал: да, да! Время - это тот капитал, которого всем не хватает.

Года через три я вприпрыжку бежала в школу. Светлый осенний день был пропитан пронзительно свежим запахом палого листа. Дворники сжигали на обочинах вороха опавших листьев. Едкий сладковатый дымок тянулся над теплой, еще не успевшей остыть землей. И вдруг я словно споткнулась, увидев знакомую фигуру. Старик-фотограф шел навстречу, не замечая меня. Я поздоровалась с ним, он остановился, положил тяжелую руку на мою макушку, устало спросил:

- Ты чья? Клавдина внучка?

Видно, старик меня не узнал.

- Вы должны помнить, - растерянно бормотала я. - Мы были у вас, вы тогда еще про Левушку рассказывали...

- Да? - так же устало спросил он и пообещал: - Я обязательно вспомню. Непременно. А ты, девочка, иди, иди...

И я побежала. Несколько раз оглянулась, надеясь, что он все-таки обернется мне вслед, вспомнит. Но он не обернулся.

Мне было жаль старика.

Наконец-то мама выбрала свободную минутку, и мы пошли в гости - я рассказала ей о встрече со стариком. Знакомую калитку нам открыла молодая женщина. Она окинула нас подозрительным взглядом маленьких черных глаз и сказала, что жена старика давно умерла, то ли в прошлом году, то ли еще раньше, а сам он куда-то уехал, так и не обретя в этом городе душевного покоя. Нет, она не знает, куда. Видно, он никому не сказал. А если и сказал, она не знает кому. Мы стояли, оглушенные этой вестью.

...- Так и не прижился здесь старик, - говорила мама, разглядывая фотографию. - Нет, ты, конечно, его не помнишь. Сколько тебе тогда было? Кажется, пять?

Нет, я помню, помню то щемящее чувство жалости и вины от последней встречи с ним - может, впервые тогда ощутила я его горький вкус, и оно осталось со мной навсегда. На фотографии я, счастливая, со съехавшим к уху бантом, забралась с ногами в плетеное кресло. Сбитые коленки. Улыбка - до ушей. А рядом моя молодая красивая мама. На фотографии нас двое, но когда мы разглядывали ее, то чувствовали, что где-то совсем близко стоит старик. Смотрит озабоченно, словно хочет угадать, удачным ли получится снимок.

Снимок получился удачным.

Вера Елисеева

Михаилу Глинистову

Стихи, написанные Вами,
Остались в памяти со мной,
Их прочитала не глазами,
А восхищённою душой.

Они легко запали в душу
И я их знаю наизусть.
Чтобы обычай не нарушить,
Я по утрам, едва проснусь,
За нашу, за Святую Русь,
Стихами Вашими молюсь.

Светлане Лепт

Ваша жизнь струёй светлой, лучистой,
Родниковой течёт не спеша,
А в глазах кристаллически-чистой
Отражается Ваша душа.

А глаза эти многое видели,
Понимали яснее иных,
За всю жизнь никого не обидели,
Натерпелись обид от других.

Уж давно в них души не чаю я,
Потому и бываю у Вас,
Что мне нужен в минуты отчаянья
Тёплый свет этих честных глаз

Себя раскаяньем не мучай

Когда нас люди разлучат,
А может время или случай,
Себя раскаяньем не мучай,
Коль в сердце чувства закричат.

Пошли тогда привет мне с ветром,
Благослови бывшего свет,
Знай - я хотела чистый, светлый
В твоей душе оставить след.

Пишу кистью

Пишу по Вашей просьбе честно
В стихах ответное письмо,
Хотя стихи, как Вам известно,
Писать я бросила давно.

К чему стремлюсь, ценю и знаю,
Чтоб воплотить свои мечты,
Теперь я кистью выражаю –
Пишу пейзажи и цветы.

Пишу я скалы и утесы
И гор вершины в облаках,
И море, берегов откосы,
А кисть волнуется в руках.

И неба дивное волненье,
И отраженье облаков...
Остановись, продлись, мгновенье,
Уйди от бытовых оков!

И в день жары, и в день мороза,
Без удивления притом,
Такая вот метаморфоза –
Пишу я кистью, не пером.

Господи, спаси!

Великий, Мудрый, Всемогущий
И все прощающий Господь!
Благослови наш хлеб насущный,
В делах и мыслях путеводь.

Я пред Тобой склоню колени,
За все прощенья попрошу,
Слезой раскаянья, смиренья
Твое я имя орошу.

И в час печали, час смятенья
С молитвою к Тебе приду.
Ты усмиришь мои волненья,
Утетишь, отведешь беду.

Дашь отдохнуть душе мятежной,
Покой и радость дашь, друзей,
Любовью доброй и безбрежной
Всевышней волею Твоей.

Виктор Рябикин

Священная война

Войною опаленная,
В сраженьях закаленная,
Из пепла возроденная
Священная земля.
Родная, сердцу близкая,
Земля новороссийская,
Твоим бессмертным подвигам
Обязан счастьем я.
Стоят над обелисками
Сыны новороссийские
В почетном карауле,
Дыханье затая.
Под кронами зелеными
Встречаются влюбленные,
И песней радость светлая
Плывет во все края.
Родная, сердцу близкая,
Земля моя российская,
С тобою—свет и радость,
К тебе—любовь моя.

У бухты Цемесской

Смотрите, у бухты Цемесской
Зажег тишину снегопад.
В морском фосфорическом блеске
Сливается радуг наряд.

И танкеров редкая стая,
И звездный в ночи хоровод,
И город, с гор к морю сбегая, —
Все смотрится в зеркало вод.

Здесь царствуют нежность и ласка,
И просится в песню мечта.
И кажется мир этот сказкой,
В которой живет доброта.

Неизвестный матрос

У южной границы великой державы
В жару и в суровый норд-ост
Отлитый с любовью из прочного сплава
Стоит неизвестный матрос.
Народная память не меркнет с годами,
Как синь черноморской волны.
И сердцем своим ощущаю я пламя,
Зажженное эхом войны.
Всплывают немолкнущий гул канонады,
Атаки тех яростных дней,
Кипящее море, развалин громады
И лица погибших друзей.
Почетное место по праву герою—
С живыми в едином строю.
От имени павших сражаться с войною
Пришел он на землю свою.

У старого окопа

Ковер лесной у старого окопа
Расшили нежно яркие цветы.
И ягоды, наполненные соком,
Румянят земляничные кусты.
В раздумье выхожу на холм покатый:
Внизу ручей торопится, звеня,
И вдруг... осколок ржавый, угловатый
Мертвящим взглядом глянул на меня.
Дохнуло лето смрадом и жарою,
Вернула память вновь военный год.
И в лоб, и с флангов черною стеною
Идут фашисты на гвардейский взвод.
А позади горит любимый город,
И неба синь покрыта пеленой.
Был каждый шаг неимоверно дорог
И каждый миг неизмерим ценой...
Беру осколок—и рука немеет,
Земная боль сдавила грудь мою.
И кажется, не ягоды алеют,
А кровь героев, павших в том бою.
Друзья мои, такие молодые,
Остались за невидимой чертой.
А у меня виски, как снег, седые,
Но сердцем я такой же молодой.

Светлане Летт

Светлана, милая подруга,
С кем я тебя могу сравнить?
В плену телесного недуга
Лишь ты смогла счастливой быть!
Слова твои мне в грудь стучали:
«Не вздрогнешь, не сойдешь с ума,
Когда узнаешь в час печали,
Что средь живых уж нет меня».
А я не верил и не верю.
Прости меня, Светлана Летт.
Ты не подвластна суеверью —
Писатель, друг наш и поэт.
И, как Островский, как Маресьев,
С той одержимостью святой
Останешься в сердцах навечно
Греть ум и души добротой!

Зинка

А ей бы петь да танцевать
С подружками на вечеринке.
Но нужно было защищать
Свою Отчизну юной Зинке.
Навязан был неравный бой.
Враги отряд в кольцо зажали,
Витала смерть над головой,
На помощь раненые звали.
Под градом пуль, под дикий вой
Она бойцам врачует раны
И слышит зов земли родной
В прощальной просьбе капитана:
--Сестра, возьми мой партбилет,
Доложишь командиру части:
Я умираю в цвете лет,
Отдав, что мог, советской власти.
—Ты будешь жить! — сказала Зина,
Покрепче стягивая жгут.
— Дойдешь до самого Берлина—
И будет Гитлеру капут.
Бойцы рванулись в смертный бой,
Подобно огненной лавине.
И прорван был фашистский строй,
И лес открылся перед ними.
Вокруг гремят еще бои.
В какую сторону податься?
И где чужие, где свои,
Попробуй толком разобраться.

Шагала долго наугад,

Сверяя курс с попутным ветром.
Скорей бы только медсанбат!
Да все длиннее километры...
Пылал пожарами восток,
Мигали дальние зарницы...
К утру сама свалилась с ног
У незнакомой ей станицы.
Давно покончили с войной.
Шумят сады. Зажили раны.
И до сих пор поклон земной
Шлют Зинаиде ветераны.

Я смог Россию отстоять

Я знал войну не понаслышке.
Простой советский гражданин,
В горнилах битв без передышки
Я нес победный стяг в Берлин.
Сожгли мой дом, убили брата,
Лишилась сил и жизни мать.
Настал священный час расплаты—
За все сполна врагу воздать.
Не раз пыталась смерть косая
Меня сбить с ног, пустить в расход,
Но я, фашистов проклиная,
Вставал — и снова шел вперед!
В пургу и в зной, и в дождь кровавый
Навстречу шел своей судьбе.
Я воевал не ради славы,
А ради жизни на земле.
Какой ценой далась ПОБЕДА —
Тебе, потомок, не понять.
Кромешный ад войны отведав,
Я смог Россию отстоять!

Александр Липин

Закат на море

Берег моря песчаный и жаркий
Принимает в объятия меня.
Как вино на дне огненной чарки,
Льётся свет уходящего дня.

Яркий диск погружается в море,
И багровою стала вода,
Как предвестница близкого горя,
Как упавшая с неба звезда.

Солнце скроется там, за чертою,
Куда время уносится прочь,
И прекрасною звёздной фатою
Мир неспешно окутает ночь.

Ночью всё пребывает в покое,
Чётких граней стирается нить,
И таинственной лунной рекою
В сновидения хочется плыть.

Мир ночной идеально прекрасен –
В нём не видно где зло, где добро;
Голос разума слаб и неясен,
Лишь сияет души серебро.

Как много у нас на Кубани
Прекрасных диковинных мест,
Они - островки в океане,
Простёртом на мили окрест.

В скалистых отрогах Кавказа,
Где блещет на солнце гранит,
Есть нечто, не видимое глазу, -
Какая-то тайна царит.

Стоят на краю Ойкумены,
Построенные на века,
Загадочные дольмены.
Чья их воздвигала рука

Кто, взяв многотонные плиты,
Сложил из них каменный стол?
И что же хранят мегалиты,
Не знает никто до сих пор?

Оставлены нам не случайно
Как памятник древних миров,
В них скрыта извечная тайна –
Священная мудрость веков.

Как древних времён отголосок,
Живёт информация в них –
Ответы на сотни вопросов
Струятся, как чистый родник,

Лишь нужно уметь приобщиться
К их мудрости, скрытой от глаз,
В единую силу сплотиться
С энергией, дремлющей в нас.

Тогда приоткроются двери
В таинственный сказочный мир,
И мы прикоснёмся к Той Сфере
И выйдем в духовный эфир.

Когда душа...

Когда душа в своей темнице
Стремится выход отыскать,
Она под купол неба мчится,
Лишь там доступно ей мечтать.
Паря над пламенем заката,
Во тьме космической ночи
Душа несется вдаль куда-то,
Как свет погашенной свечи.
И нет преград ее полету
В тумане млечного пути.
Не задержавшись ни на йоту,
Она упрямо вдаль летит.
Летит туда, где вольный ветер
Парит над гребнями волны,
И приземляется с рассветом
На берег диковинной страны,
Где нету черных туч печали
Над горизонтом будних дней.
Здесь та страна, что так мечтали
Вы отыскать дорогу к ней!
Здесь радуга висит над морем,
И звезд сверкает серебро.
Здесь, распрощавшись с прошлым горем,
Стремись сеять лишь добро.
Здесь нет ни бедных, ни богатых,
Ни прокуроров, ни судей.
И бьет в призывные набаты
Господь, прощая всех людей.
2001 г.

Александр Письменный

Затишье

За парашютом ворчало море,
Пиная берег упругим валом,
И, растекаясь в камнях прибрежных
В тяжелых тучах таил угрозу,
И море, в хмуром своём смятенье,
Покоя тоже не предвещало.
Как будто рядом бродила буря,
Таясь в потемках и выжидая,
Покуда ветер расправит крылья,
Покуда море напьется гневом.
Но море тоже чего-то ждало,
Металось, в пене катая камни,
На дождь рычало, о чем-то споря.
А город мрачно стоял в раздумье,
Не замечая и не вникая,
Сочился светом сквозь щели улиц,
Их поливая огнем холодным.
Дома молчали, дома таились,
Темнели окна, как будто ждали,
Что кто-то сильный уймет ненастье
И даст им утром покой и радость.

Пустота

Миг жизни гаснет в памяти живых,
Как гаснут свечи, сны и отраженья,
И, как от сока отделённый жмых,
Нас приобщает к вечности забвенья.
Всё принимает облик Пустоты Без
очертаний, признаков, предмета.
Без низа и, конечно, высоты.
Без темени — тут нет ни тьмы, ни света
.Пространства нет. Нет звуков. Тишины.
Нет тверди и небес. Прикосновенья.
Ни в чём нигде нет меры и длины.
Нет времени, нет мысли, нет движенья.
Нет ничего! — Но всё же... Что-то есть.
Сознание, не канувшее в Лету,
Вдруг отмечает: Мир — сейчас и здесь И
Зова ждёт. И вновь готов к ответу.
Предощущенье: пламенно вскипит Миг
сотворенья. Время двинув словом,
Утроба- Вечность снова Мир родит.
Всё будет вновь.
Хоть всё уже не ново...
Есть! — Так ведь это же рассвет!
Миг возрожденья. Мир рождается снова.
И осознанье: пустота — не смерть,
И поглощая, возрождает снова.

* * *

Страна, могучая когда-то,
С душою ЧИСТОЙ, как мечта,
Ты, Русь.
Земля твоя богата
И бесконечна доброта.
Ты примешь всякого, как брата,
Пускай и нет на нём креста.
И ты поделишься последним,
Сама, раздевшись донага,
Пригреешь, как змею, под сердцем
И вырастишь себе врага.
Теперь на грани тьмы и света,
Желая счастье созидать,
Чужого ищешь ты совета
И ошибаешься опять.
Нет, Русь! Чужой, тебя не зная,
Тебе не скажет, что свершить,
Чтобы, себе не изменяя,
Судьбу свою переменить.
Не уродиться, так удалиться,
Ведь надо же стране такой,
Чтоб верить: в тридевятом царстве
Искать и надо жребий свой.
О, Русь! В тебя никто не верит.
Радетелей полно, как мух:
Те, кто стенает — лицемерят,
Кто грабит — славят русский дух.

Затмение любви

Звездой горит в твоей крови,
Огонь священный, светоч правый —
Кристалл, растущий из расплава
Всё обнимающей любви.
Он — жизнь сама. Любви лучи
Твоё питают вдохновенье,
Надежду дарят, сил кипенье,
И освещают путь в ночи.
Любовь сжигает без золы
В потоке раскаленной лавы
И сладкий яд лукавой славы,
И злую ржавчину хулы.
Но от предательства, презренья,
Вдруг затмевается любовь.
И мигом, почернев, как кровь
Вокруг тебя свернется время,
И сетью ловчей упадёт
На мысль сомнений тусклых бремя:
Взойдёт ли упований семя? —
Но солнце все равно взойдёт!
И вновь любовь тебя зажжёт
Огнем безжалостным и нежным,
Лишь тенью злой, зарядом снежным
С неё затмение сойдёт.

Истоки

Клуб ветеранов и старожил

Истоки – таким ёмким словом получило название объединение при центральной библиотеке им. Э. Э. Баллиона, названное клубом ветеранов и старожил города-героя Новороссийска. Клуб существует с две тысяча шестого года, был организован Николаем Тимофеевичем Турчиным, великим патриотом города, краеведом, знатоком истории города, флоры и фауны его окрестностей. Николай Тимофеевич родился, вырос и учился в Новороссийске, прошёл трудными дорогами Великой Отечественной войны, участвовал в восстановлении города, до конца своей жизни старался довести до грядущих поколений любовь к Отечеству, привить интерес к его истории.

После ухода Николая Тимофеевича из жизни, руководство клубом было доверено Беловой Анне Петровне.

Члены Клуба – в основном люди почтенного возраста, им есть что вспомнить, есть что рассказать и о чём написать...

Людмила Горопчина, Валентина Чернышёва, Людмила Миленина, Алевтина Коновалова, Светлана Баранник и Лариса Кривенчук, издали сборники своих произведений, стихотворный и в прозе, где с любовью и гордостью говорится о любимом городе, его героических людях, нашей славной истории.

Члены клуба периодически встречаются с молодёжью. Их великим интересом встречают и слушают учащиеся школ. Колледжей, Академии МВД. Частыми гостями они являются в Доме-интернате для престарелых и инвалидов, активное участие принимают в работе «Литературной гостиной Светланы Летт».

Клуб «Истоки» выражает уверенность, что его деятельность служит воспитанию молодёжи в молодом поколении высокого патриотизма.

Лариса Кривенчук

Монастырь.

Этим летом Светлана приехала в станицу Брюховецкую, поправить могилу матери, да в доме навести порядок. По приезде, к ней сразу примчалась её давняя подруга Вера. Она называла её ласково... Верунька, чудесная женщина, очень хороший человек, но одна беда – пьющая. – Подруга, поедем со мной, нашим пенсионеркам правление автобус выделило на экскурсию на Лебяжий остров в мужской монастырь – Меня, в мужской монастырь? – Света рассмеялась. Полнотелая с вольным нравом, она словно магнитом притягивала случайно встречающихся ей на пути мужиков. – Ну ты, конечно, ярко не наряжайся, темную юбочку одень, платочек повяжи, ну и в обращении к монахам, будь скромнее, там вином угощают, халява, ты разве против! Конечно, Свете очень хотелось побывать на экскурсии, которую, по словам подруги и оплачивать не придется. Проводив Веру, стала перебирать узел со шмотками, которые городские соседи отдавали ей для бедных, благо, ещё в станице такие остались. – Да, надо одеться, как чмо! – подумала и приступила к отбору одежды. Нашла видавшую виды кофту, старую тёмную юбку, правда сандалии надела новые. Подвязалась синим платочком. Глянула на себя в зеркало, аж отшатнулась – Ну и маскарад! Ну, раз там так строго, возьму старую сумочку и положу в неё минимум продуктов. Эх, где моя не пропадала! И Светлана, хлопнув калиткой, весело пошагала к ожидающим её на автобусной станции пенсионерам. Слов нет, женщины удивились её появлению, а особенно её наряду. В автобусе всю дорогу тихонько шептались, глядя в её сторону, мол, Света совсем после смерти матери без денег, как нищенка одета. А Света, с тоской глядя на модно раздетых ровесниц при штрипках, ярких открытых блузках, модных шляпах, про себя на все корки ругала Веруню, за совет, одеться скромнее и без макияжа. Но уже показались позолоченные купола церкви, вот и монастырское подворье. С автобуса их встречал высокий монах лет 40-ка и мужчина лет 35-ти в строгом чёрном костюме, который представился, как экскурсовод. Они поднялись по лестнице на второй этаж. Монастырь был отреставрирован и служил своему древнему значению...воспитывал детей – сирот, пригревал страждущих. Хозяйство его оказалось обширным, на территории был сад, повсюду располагались беседки со свисающими в них гроздьями винограда. Экскурсовод вёл женщин по пути останавливаясь, коротко поясняя о ликах святых на картинах на стене, возле одной задержались. Это был портрет кошевого атамана Захария Чапеги. Когда-то здесь на реке Бейся стоял Брюховецкий курень. Монастырь был основан в 1794-ом году. Назывался он Екатерина – Лебяжий –Свято Николаевский. Многие пришлось пережить его бывшим обитателям, но сейчас его возрождение. Мужчины привели их в большой зал и усадили за большой стол. Все начали доставать снедь из сумок, а монахи наливали из фляжек вино в большие глиняные кружки, поставили тарелки со свежесдобленным в монастыре хлебом. Подарили каждой по-маленькому, вырезанному из дерева крестик на шнурке. Вино было приятным, и Света с удовольствием слушала монотонную речь экскурсовода. Вдруг реальность перестала для неё существовать, и она сквозь дымку тумана увидела, как несколько турок в старинной одежде ведут раздетого почти догола казака и бросают его в лесной чаще на комариный гнус, требуя при этом назвать своих товарищей. Взмолился к богу истерзанный ворагами воин: - Пусть скорее снег пойдёт в середине лета, чем я выдам своих братьев на поругание! И при наступившем рассвете, изумлённые турки увидели, как белые птицы, сбросив своё оперение, покрыли весь остров, подобно белому снегу. – О, аллах, это знамение! И Света увидела, как они освобождают казака, затем отпускают на волю. Спящую девушку трогает за плечо, порядком захмелевшая Веруня: - Вставай, домой уже едем! Та виновато протирает глаза; - Надо же, где уснула? - Деньги собрать нужно! – пояснила подруга. Света оперативно занялась сбором наличных и через пару минут, все средства были собраны. – Кому их отдать? – с этим вопросом она обращалась почти ко всем женщинам, но те дружно пожимали плечами, а Верунька, уже мало что соображая, ткнула пальцем в проходившего мимо экскурсовода. – Да, вероятно, это вам? – и Света протянула ему кулёк с деньгами. Тот, сильно смутившись, почему-то взяв деньги, очень быстро ушёл. При посадке в автобус произошёл страшный скандал. Оказывается, деньги, собранные, надо было отдать шофёру на бензин. Вера, тыкала пальцем в подругу,

та, сердясь, трясла её за грудки. Женщины же кричали на них обеих. Но в конце - концов смирились, собрали шофёру деньги по новой, благо сумма была небольшая. Света тихонько сказала шофёру, что, когда привезёт её домой, заплатит за себя и Веруню. Уже когда все ехали домой, при освещающих вечернюю темноту фарах автобуса, ей внезапно почудилась фигура казака, стоящего на обочине дороги. А уже дома утром в своей постели, ей мерещилось, всю округу наполнил колокольный звон, настраивающий людей на полный жизненной энергией день!

На завалинке

Наши женские посиделки завалинкой я назвала условно. Почти все мы родом из русских деревень и кубанских станиц, и у всех в памяти далёкое детство с неизменными старушками, сидящими на завалинке возле домиков. О, сколько всего там было рассказано! Истории, былины, сказания. Сейчас, в XXI веке, завалинок почти не осталось даже в глухих деревнях, а в станицах и вовсе современные добротные дома. Мой дом панельный, 160-квартирный, и в погожие дни скамейки и лавочки возле него не пустуют. С полудня до вечера мы, женщины пенсионного возраста и моложе, ведём негромкие беседы.

Неподалёку от нас кружок мужчин такого же возраста. Ну, а вечером после захода солнца наши места занимает молодёжь. Малыши целый день резвятся во дворе, пока родители их не загонят домой. Скоро весна, долгожданные майские праздники. Мы, рождённые в 50-х годах, с любопытством спрашиваем 80-летних пенсионеров о том, что им пришлось пережить за четыре года войны.

Вот их истории. Анна Ивановна, 1932 года рождения. Невысокого роста, седая, с ещё приятными чертами лица, худощавая, опирающаяся на палку, в неизменном коричневом плаще и лёгкой газовой косынке. Присев на край скамейки, она певуче, с лёгким кубанским колоритом рассказывает:

- Мала была тогда, немцев за всю оккупацию видела всего два раза. Мы жили на хуторе недалеко от Крымска. Однажды вечером под оглушительный лай собак раздался звук подъехавших мотоциклов. Наша хата находилась при въезде на хутор. В горницу к нам зашли семеро. Я и моя сестра Рая, она на пару лет моложе меня, а мне всего лишь 10 лет, проворно взобрались на полаты и оттуда смотрели на гостей. Офицер дал маме в руки двух соседских куриц с отрубленными головами и велел сварить их. Один из солдат быстро ощипав и разделав куриц, помог маме сунуть их в большой чугунок и отправить в растопленную печь. Остальные уселись на лавку рядом с большим столом, стоящим посреди комнаты. Из своих вещмешков они достали тушёнку, плитки шоколада и положили всё это на стол. Но больше всего меня поразили свёртки из фольги. Когда их развернули, я увидела чёрный хлеб, нарезанный маленькими кусочками, невиданное по тем временам лакомство. Мы, дети, как замороженные наблюдали за этим сказочным столом. Наконец варево было готово, офицер и его солдаты, смеясь, приступили к трапезе. Дверь внезапно распахнулась, и в дом буквально влетел часовой.

- Партизанен, партизанен! - громко вопил он.

Миг - и все гости сорвались с места, на ходу захватывая снятую одежду в вещмешки, выскочили во двор, с рёвом заводя мотоциклы, и в ту же минуту испарились, оставив лишь клубы дыма на дороге. После их отъезда прошли целые сутки, прежде чем мать разрешила нам приблизиться к столу и начать есть всё, что на нём было.

То-то у нас был пир! А в моей памяти до сих пор остались эти небольшие кусочки хлеба, завернутые в фольгу.

- Ну а про другой раз расскажете? - спросила я.

- Ну что ж, расскажу. Всю оккупацию немцы наш хутор обходили стороной, но однажды у нас всё-таки побывали эсэсовцы. А произошло это перед самым их уходом. Перед началом войны к соседям

на постой попросились две девушки. Этакие веселушки с короткой стрижкой и модной тогда завивкой. Однажды вечером прибыли на хутор на «опеле» с двумя немецкими офицерами. Тётя Глаша, украдкой плюнув в сторону хохочущих девиц и их не менее весёлых кавалеров, вместе с сестрой и её семилетней дочкой закрылась в летней кухоньке рядом с домом. Всю ночь крутился патефон, гремела музыка. А наутро к ним в кухоньку что есть силы стал барабанить один из офицеров, ругаясь по-русски и злобно крича что-то на немецком. От него тётя Глаша узнала, что девушки исчезли, прихватив с собой чемодан с документами, секретными папками, а также дорогое бельё и кое-какие ценности. Перерыв все дома вокруг и не найдя ничего, расстроенные оккупанты уехали. А через несколько часов на двух мотоциклах прибыли каратели. На одном сидел один из проштрафившихся офицеров со связанными руками, фельдфебель и солдат, а на другом офицер СС и два полицаи. Офицер скомандовал:

- Всех жителей согнать сюда живо!

Через несколько минут возле дома тёти Глаши стояла удручённо молчащая толпа людей. Полицаи выволокли тётю Глашу и её сестру с дочкой. Коротко опросив их, эсэсовец приказал запереть хозяев в их хате, обложить её соломой и поджечь вместе с ними. В толпе раздался плач, мотоциклы злобно ревели. Полицаи спешно выполняли приказ. Один из них укладывал солому возле торца дома, а совсем недалеко от него через когда-то прорубленную нишу вылезли друг за дружкой плачущие хозяева и уползли по рядам растущей кукурузы прочь от дома. Возможно, полицаи сделали вид, что их не заметил, а может, так торопился угодить новым хозяевам, что действительно не увидел. Но это спасло им жизнь. Уже прячась в лесополосе, они видели, как пылал их дом, а вечером, когда непрошенные гости уехали, они молча постояли на пепелище, но на хуторе не остались, ушли куда-то к родне аж под Ростов.

Анна Ивановна, окончив рассказы, со вздохом поправила сползшую косынку.

- Здравствуйте, – мимо прошла шестидесятишестилетняя женщина с короткой стрижкой тёмных волос, худая, невысокая, с резкими, но в то же время милыми чертами лица. Это Валентина, по статусу малолетняя узница. В её документах на немецком значится: «рождённая в 1944 году в Германии», аккуратная печать, вот уж неточности не будет. Недавно, когда она регистрировалась как узница, чиновница с ехидной улыбкой спросила её:

- Как это можно было кому-то рожать в неволе, а отец случайно не немец?

- Нет, русский батрак! – с тихим достоинством ответила ей она.

А я после её рассказа ещё подумала: «Какое хамство, можно подумать, что там что-то зависело от желаний её матери». Она говорила тогда про историю жизни её родителей, и у меня перед глазами возникла следующая картина.

Май 1945 года. На окраинах города рвутся снаряды, это непрерывная канонада из русских «катюш». Авиация союзников непрерывно совершает налёты на Берлин. Вой сирены воздушной тревоги, Бауэр Вольф вместе с женой подкатывает детскую коляску к семье русских рабов Антонины и Афанасия. Жена помогает Антонине уложить крошку Валентину в коляску, сняв при этом с плеч свою пуховую шаль, укутывает ею девочку, непрерывно говоря: «Мы ведь всегда с вами хорошо обращались!». Вольф кладёт на край коляски головку домашнего сыра и сковывает руки Афанасия наручниками.

Они все идут в ближайшее метро, служившее также и бомбоубежищем. Афанасий, мужчина лет сорока, с густой длинной бородой, глухо молчит. Он вообще старается не говорить после того случая, когда хозяин, вызвав полицию, выбил ему все зубы за то, что он ударил его, когда тот пытался огреть за маленькую провинность плёткой беременную Антонину. А сейчас им предстоит долгие совместные часы сидения в метро, где вода, появившись из ниоткуда, дойдёт им сначала до щиколоток, а потом и до колена. Испуганный шёпот военных и штатских людей вокруг: «Это фюрер, приказал открыть шлюзы: немцы проиграли войну, они недостойны жить как нация!».

Наверно, из-за таких условий в раннем детстве Валентина росла болезненной. После прихода наших войск мать вместе с ней вернулась домой, а отец - на два года позже, так как помыкался ещё по нашим пересылкам; он прожил совсем недолго, мать прожила дольше. Валентина выросла, вышла замуж и уехала в Мурманск, но три года назад вернулась в квартиру, которую оставила ей тётка. У неё очень тяжёлое заболевание, но она далека от уныния, увлекается зимним плаванием. Она не хочет быть беспомощным инвалидом, удел которого койка. Стиснув зубы, преодолевая боль, пытается вести активный образ жизни и быть полезной людям.

Меня вдохновляет её пример, как пример мужества. Хотя, рассказывая о каждой из нас, можно написать историю нашей великой страны. Но это уже в другой раз.

Валентина Чернышева

Канаёвка

Павликово детство

Фургон, запряжённый двумя лошадьми, управляйся дедом Семёном.

— Да медленнее идите, — сердито ворчал дед на лошадей. — А ну, ребята, не возитесь. Не до вас.

На сене сидело около двадцати ребят. Был среди них и Павлик. Ему шел всего четвертый год, и по этой причине он мало понимал, что происходит. Мальчику нравилось ехать на повозке рядом с соседским дружком Серёжкой, но он никак не мог понять, почему плачут мама и бабушка и почему они так крепко держат папу за руки. Папа, напротив, улыбался и время от времени поглаживал маму по волосам. На улице было зябко, но взрослые этого не замечали, они шли рядом с фургоном, и все говорили, говорили... До Павлика доносились лишь отдельные слова — война... пиши...

Наконец-то фургон остановился. Папа взял Павлика на руки и прижал к себе крепко-крепко, так, что защемило сердце. Мальчик, увидев слезу на папиной щеке, заплакал сам. Отец поцеловал сына и отдал жене.

Вернусь, я обязательно вернусь, — целуя жену, мать и сына, все время повторял он, затем выпрямился, стяхнул слезу и улыбнулся. Павлик тоже заулыбался. Он слез с рук матери и взял отца за руку.

«Ох,

какой у меня папа сильный, как мне с ним хорошо». Отец осторожно вынул его руку из своей и пошёл вперёд вместе с другими мужчинами.

Помаша папе ручкой, — еле сдерживая слезы, сказала мама, и он замахал сильно-сильно и всё махал и махал, пока отец не скрылся из виду.

Без папы

— Теперь ты у нас за старшего, — сказала бабушка, сажая Павлика во главе стола, и он сразу как-то повзрослел, с готовностью подносил дрова к печке, и вообще, старался делать все то, что раньше делал отец. Бабушка и мама его хвалили, но при этом всегда повторяли: «Молодец, но пока мы в поле, тебе надо ходить в садик, а папа скоро приедет, надо только немного подождать». Зима выдалась холодной. В феврале у него появилась сестрёнка Аня. Она была очень маленькая и все время сидела на руках у мамы. Каждый день рано утром мама уходила на ферму доить коров, а Павлику поручали качать люльку с сестрёнкой.

Еды в доме оставалось все меньше, и поэтому, когда Павлик оставался с сестрёнкой, мама ему говорила: «Если Анечка заплачет, дай ей манной каши, только сначала возьми ложечку каши в рот и погрей, а потом дай сестричке».

Делать это было очень трудно. Как мальчик ни старался, каша сама проскакивала прямо в живот, и поэтому в ложке её всегда оставалось не больше половины.

В деревне появились югославы. У них в доме поселился такой толстый, с крупным лицом мужик. Питались солдаты хорошо, у них были даже конфеты и печенье, и поэтому взрослые предупреждали детей, чтобы они ничего не воровали. Слышал Павлик, как взрослые тихо говорили: «Всё югославы отберут». Однако те ушли так же неожиданно, как и появились.

В деревне ни кур, ни свиней уже давно не осталось. Огороды не обрабатывались, в полях перестали сеять хлеб и, чтобы хоть как-то прокормиться, мальчишки с Калуги стали ходить в поле ловить сусликов.

Павлик ходил с ними. Засунет руку в норку, и вот уже один, два, три суслика пойманы и сразу бегом домой к бабушке. Она и обдерёт животинку и пожарит. Ох, как же это было вкусно. Суслики выручали всю семью, и даже маленькая Анечка научилась обглаживать косточки.

Однажды произошел неприятный случай: то ли Павлик руку неудачно просунул в норку, то ли суслик злой попался, но схватил он парнишку острыми зубками за палец. Павлик закричал от боли и выдернул руку из норы, однако суслик так и остался висеть на пальце. Тогда Павлик решительно взял голову суслика в рот и крепко сжал её своими молодыми зубками. Суслик отпустил палец.

После этого случая Павлик совсем перестал бояться сусликов, он знал, что при случае надо делать. Бабушка из очисток пекла оладьи. Они были, как стекло. Их в рот, а они обратно, но есть что-то надо было. Выручало и шло в еду всё: суслики, птицы, яйца птиц. К соседям пришла похоронка, а к ним какая-то маленькая бумажка. Мама с бабушкой все время перечитывали её по вечерам, поднося поближе к свече.

Такие же бумажки пришли ещё трём соседям.

Пришло время идти в школу. Вместе с книжками Павлик носил в сумке жареных сусликов. Он уже знал, что было в записке — «Пропал без вести». Не убит, не умер, значит живой и скоро вернётся, думал он.

Война закончилась, а папы всё не было. Павлик сидел во главе стола, но всегда оставлял место для папы.

По деревне начал ездить на телеге старьёвщик. Он менял вещи на конфеты — такие красивые красные подушечки. Как их хотелось! Однажды Павлик набрал сусликов и обменял их шкурки на конфеты. Какое это было блаженство!

Он ел и не мог остановиться, пока рот и даже лицо не стали красными. После этого случая конфет уже больше не хотелось.

Постепенно в домах стали появляться и коровы, и куры, и овцы. Колхоз набирал силу. Мальчишки тоже помогали, работали в поле всё лето.

Шел 1947 год.

Павлику шел десятый год, и он был в семье основным помощником. Работы по дому всегда хватало, да и с сестрёнкой посидеть надо было, а как хотелось погулять с парнями. Каждый день он ждал отца, и все время представлял, как тот вечером постучится в дверь, такой большой, сильный и красивый.

Когда сестренку Аню спрашивали, знает ли она папу, та всегда отвечала: «Да. Я его помню». Все над ней тихонечко посмеивались, ведь она появилась на свет после того, как отец ушел на фронт.

Стояла глубокая осень. Тускло горел фитилёк в лампе. Вся семья собралась на кухне за ужином. Вдруг в дверь кто-то постучал. Павлик перескочил через бабушку и с криком «Папа» выскочил в сени. Там стоял отец. Он был очень худой, с вещмешком за спиной. Глаза у него горели:

— Сынок, родной, я дошёл, дошёл до дома.

Так в обнимку они и вошли в комнату. Все заплакали от радости и стали обниматься. Только Аня сидела на скамейке и молча смотрела на дядю, который к ним пришел.

— Аня, это же папа, папа, — радостно кричал Павлик. — Папа!!!

«Земля хочет видеть счастливых людей.
И слёзный поток ей не нужен:
В ней много своих минеральных солей,
Она для любви к земле служит».

Валентина Чернышева.

Малышка Надья

Рассказ

В городе Новочеркасске до войны было довольно много «цыганских» дворов. Жили в них донские казаки со своими семьями. Дома были расположены по кругу, посредине был большой двор. В этих домах проживали родственники близкие и дальние. И детворы поэтому было столько, что, когда они бегали, их сосчитать было невозможно. В этом дворе жила маленькая девочка с большими серыми глазами. Все взрослые в этом дворе знали, что если солнце поднялось над горизонтом, в гости к ним обязательно зайдет эта малышка в больших резиновых галошах. Взрослые ей еще с вечера оставляли что-нибудь вкусенькое.

— Скажи, Анна, как твоя малышка додумалась до такого — в твоих галошах ходить по гостям? — спрашивали соседи.

Не знаю. В первый-то раз я не обратила на это внимания, а теперь уж и не одеваю галоши, пока дочка вас всех не обойдет. Один раз надела, так она около порога, как собачка, просидела, всё ждала, когда галоши мои на пороге появятся, — оправдывалась Анна.

Мы тебя не осуждаем, просто удивляемся, как она из этих галош не выпадает.

Илюша, ты опять воровал варенье. Еще раз такое сделаешь, я отцу скажу, — Анна указала на стенку, на которой висел ремень. Она, конечно, постарается не говорить мужу, но пострадать мальчишку надо.

Илюша сидел рядом с сестренкой, такой маленькой. Он видел, как она открывала банку и брала большой ложкой варенье. А оно подало и на пол, и ей на фартук. Мама не видит, а его ругает. Илюша так любил свою сестренку, что сидел и молчал, а она увидела, что мама отвернулась, высунула язык и, скривив рожицу, стала его дразнить.

Отец пришел уставший, переступив порог, он громко выдохнул. Анна быстро стала накрывать мужу ужин.

— Быстро уходите, поели и нечего за столом сидеть, Дайте отцу спокойно поесть.

А дети только Этого и ждали, они побаивались отца, когда он приходил такой усталый.

Солнце еще не успело спрятаться за горизонт, во дворе детвора играла в мяч.

— А побежали до церкви, — крикнул самый долговязый из детей.

Дверь двора они открыли так шумно, что бабушки, сидящие на лавочке, перекрестились. Церковь в городе была установлена, как солнце, — улицы от неё отходили лучами, а с другой стороны - река и донские просторы.

Многое видел этот двор — и свадьбы, и похороны. Когда двор был заставлен военными машинами, солдатской кухней, дети притихли, перестали бегать по двору. Кто постарше, понимали — отцы, братья старшие ушли воевать. В город вошли немцы и этот большой двор стали использовать так, как было им надо. Илья со своей сестренкой старался больше быть дома. В большой комнате собирались дети со двора. Один из немцев, увидев столько детей в комнате, спросил на ломаном русском: «Матка, этот вой?» Анна испугалась, но постаралась взять себя в руки и спокойно ответила: «Да!» Немец удивленно сказал: «О-о-о!!!». Анна возилась около печки. Дала дочке веник и велела подмести пол. Малышка, а ей уже было пять лет, и веник был наравне с ней ростом, стала подметать и спокойно с веником шла под столом. Дверь открылась и на пороге возник молодой немец. Он достал из кармана конфеты и кинул их на пол. Девочка остановилась и посмотрела на маму, потом обеими ручками приподняла фартучек, подошла к конфете и положила её в ложбинку фартука. Её не остановили. Смело пробежала по полу и собрала все конфеты.

— Гут! Имя? — спросил он на ломаном русском.

Надя, — сказала Анна.

— Надья, гут, Надья!

Потом он попытался объяснить, что там, в Германии, у него осталась такая же дочка. Анна поняла это, на душе стало легче. Значит её Наденьке не угрожает опасность.

Двор оживился, когда с войны вернулись отцы, братья. Кто-то плакал из взрослых, а те, к которым вернулись, радовались, но так, чтобы не обидеть потерявших своих родных. К Наде и Илье отец вернулся. На груди его блестели медали. Надя просила отца дать ей их подержать.

— Мне хочется посмотреть, как вы подросли, я так соскучился по вам, — он похлопал Илью по плечу, а дочку погладил по голове. Тут в комнату зашли соседские дети.

— А ну, молодежь, побежали до церкви и обратно. Кто быстрее прибежит, дам медаль подержать. Что тут началось! Дети побежали, толкаясь, и Наденька побежала, но добежав до большого дерева, спряталась за него. Детишки даже не заметили, что Надя спряталась, острый взгляд и смекалка подсказали ей, и она прибежала первой и взяла медаль.

— Я с ней посплю, папа.

Дети прибежали, — Наденька держала в руках медаль, — они повернулись и ушли по домам.

Соревнования отец девочки устраивал часто. Иногда дочке не удавалось обмануть. Вперед прибегали другие

дети. Медали разбежались по дворовым ребятам. Но малышка не дремала и выменивала их на сладости.

Однажды она проснулась раньше, чем обычно. Родители сидели за столом и о чём-то шептались. Девочка была очень любопытная и поэтому притаилась, притворившись спящей. Отец был расстроен, и мама его успокаивала:

Иван, не переживай. Обойду всех детей и соберу тебе медали. Вроде и хорошо, что тебе вручат юбилейную медаль, а вот придти в военкомат с медалями на груди...

Она погладила руки мужа. Он их положил на стол и склонил голову. Наденьке показалось, что он плакал. У неё из глаз потекли слезы. Она полезла в потайной уголок, достала узелок, и босая пошла к столу. Родители услышали шлепки ног по холодному полу.

— Наденька, иди быстрее ко мне. Ты почему босая?

— Папа, папа, не плачь, я все твои медали поменяла!

И она положила на стол узелок. Анна развязала его и ахнула:

— Какая же ты умница, наша малышка!

— Да она не малышка, она взрослая умница, — отец посадил ее к себе на колени.

Я спокоен, хоть росточком ты не взяла, а в жизни не пропадешь. Ты выросла!

Мирные

Рассказ

Как только нам сказали, что Новороссийск свободен от немцев, мы засобирались домой. Единственный узелок с пожитками собрали быстро, тут же нашлись и попутчики — Мария, молодая женщина с ребенком, и семья Уваровых. Нашёлся и грузовик, который должен утром отправиться в город.

Не боитесь? — спросил водитель. — В городе всюду мины, подождали бы...

Нет! — женщины и одного лишнего дня не желали провести вне дома. — Только домой.

Контрольно-пропускной задержал грузовик у Гайдука до темноты — прошли осмотр, душ. В город въехали с наступлением темноты. Было темно и тихо. Грузовик остановился на улице Нефтяной (Леднева) возле уцелевшего от бомбежек дома, где и хотели было заночевать, но вдруг испугались, что здание заминировано. Подыскали ровную без камней и обломков площадку и решили ночевать прямо на улице посередине города.

В небе появилась Луна и стало светло. Заснуть было трудно, женщины переговаривались о своём, ребятами что-то рассказывали друг другу, было и тревожно и радостно.

— Мирные! — громкий голос из темноты прогремел неожиданно. Все повскакивали. Перед нами стоял матрос в плаще, руки он держал на поясе и, возможно, от этого казался огромным, могучим.

Цветков Геннадий, старшина 1-й статьи, москвич, — представился он и вновь закричал уже куда-то в темноту. — Ребята, идите сюда, здесь мирные: женщины и дети! Со всех сторон стали подходить военные в плащах — высокие и статные.

Будем спать возле них и чтоб ни одна гадина не помешала встретить мир в городе! Мы, мирные, потеснились поближе друг к другу, а солдаты спали вокруг, головами к нам. Первая мирная ночь прошла в тишине и покое.

Светлана Баранник

Эхо войны

Это было так давно, что участников всех событий, пожалуй уже нет в живых, но детская память крепка и какими-то неведомыми путями зовёт меня в прошлое.

Совсем недавно я нашла в старой коробочке от конфет две небольших бумажки. Одна, пожелтевшая от времени, согнутая вдвое, сообщала о том, что мой дед Кравцов Захар Филиппович, умер в госпитале от тяжёлых ран, другая, поновей, подтверждала это сообщение.

Когда-то совсем маленькой я слышала от мамы и бабушки рассказы о моём дедушке по материнской линии, что он погиб под Сталинградом в 1942-м или начале сорок третьего года, так предположительно сказали бабушке в военкомате, но кроме крючковой подписи в извещении ничего больше не было.

На стене в нашей маленькой, жактовской комнате с одним окном висел довоенный портрет деда. На меня с портрета смотрел молодой красавец в военной форме. На воротнике были два кубаря. Пышные светлые волосы и голубые глаза, очень напоминали мою маму.

В маленькой комнате кроме двух кроватей, стола и двух стульев с высокими спинками, была ещё беленая большая печка, на которой бабушка и мама готовили еду.

Помню вкусный запах кукурузной каши и кукурузных лепешек. Бабушка томила кашу в духовке, а потом кормила ею меня. Ни ранее, ни позднее ничего вкуснее этой каши я не ела.

Особый интерес вызывали у меня два венских стула с высокими спинками и непонятными резными буквами на них, СПШ, читала мне каждый раз бабушка.

- А что это? - спрашивала любопытная малышка.

- Это подарок нам с дедушкой на свадьбу, от Советской партийной школы, где он учился, когда мы с ним поженились, поэтому там и есть такие буквы.

Я гладила витиеватые буквы пальчиком, продолжая свои расспросы.

Мы с твоим дедушкой познакомились в ликбезе.

- А это что такое?

- Это такая школа, где взрослых людей учили грамоте, Читать, писать, считать.

- А что, взрослые не умели писать и читать? - удивлялись я-

- Не умели, - подтверждала бабушка.

- А ты и мама мне сказки читаете, ты же умеешь!

- Это меня в ликбезе и научили.

- А дедушку?

- Дедушку тоже, дедушка хорошо учился, быстро все охватывал, курс ликбеза раньше других освоил, мне все давалось с трудом, но я старалась.

- Вот, посмотри мои фотографии, какая я тогда была, видишь на мне это платье? Его мне подарила генеральша, у которой я служила в горничных, и шляпку тоже она мне подарила, я в этом платье на занятия ходила, а дедушка меня приглядел, учиться помогал, мы вместе читали, писали, а считать я умела, меня старшая горничная научила, когда мы к обеду столы накрывали.

Я видная была, на меня многие внимание обращали, дедушка был на три года меня моложе и я этого очень стеснялась. Первый раз он меня замуж позвал, я испугалась, а что его мама скажет, и не согласилась за него выйти, но он настырный был и не отходил от меня ни на шаг. Ириски мне дарил, сам не ел, а все мне предлагал. Я домой поехала к маме своей, она с двумя братьями под Новочеркасском жила. Рассказала ей, она мне и говорит, раз так сватается, подумай. Дед твой был из казаков-Новочеркасский, правда, жили бедно, но в те времена все были бедные, хорош он был собой, ох, хорош, да умен, поженились мы с ним, он совпартшколу окончил и попал в двадцати пяти тысячники. Ещё в совпартшколе в партию его приняли и эту комнату дали, мы сначала на хуторе Лосево, жили там он совхоз организовал, а потом по всей Кубани пришлось поездить, вот в Кропоткине осели, а потом его в Грозный перевели перед самой войной, а незадолго до войны послали его в Ростовскую академию учиться. Грамотный дед у тебя был, а где могилка его, я так и не знаю, бои

были под Сталинградом страшные, сколько похоронок получили наши соседи, сколько слез пролито- лучше не вспоминать.

Нет в живых ни бабушки, ни мамы, только вот старые извещения остались с тех страшных времён. Близился 72-й год Победы, я ходила на парад с портретом деда, прошла в бессмертном полку по главной улице Новороссийска, не надеясь, что когда-то узнаю о своём дедушке.

На удачу послала на сайт Память Народа запрос в конце апреля и 17 мая получила ответы о своём дедушке.

Погиб он, действительно, под Сталинградом 12 октября 1942-го года. Году, был комполка в/ч 11008, получил смертельное ранение в голову и действительно, умер в передвижном полевом госпитале 529, похоронен в с. Заславное Волгоградской области, Ленинского района на мемориальном комплексе, в братской могиле номер один, среди 453-х человек, домой не сообщили подробности - с ним не было домашнего адреса, так 75 лет спустя, я нашла своего дедушку - героя!

Знал бы он, что у него есть два правнука и праправнук, которым он подарил самое дорогое- Жизнь!

Полевая Кухня

На Форумной с утра играют марши,
Толпятся стар и мал, и пахнет кашей,
На кухне полевой готовят гречку,
В медалях ветеран нальет за встречу:

- Будь здоровым, старый друг, полковник Женя!
За город выпьем, за Освобожденье!
- А помнишь Верочку, что нас кормила?
Снарядом кухню вместе с ней разбило...

Слеза скупая просолила кашу,
- Наркомовских сто грамм, за память нашу!
Парком дымилась гречневая каша,
На площади с утра гремели марши...

Военная память

Мы поем и музыка стекает
Каплями разлуки на виски,
Боль в душе от песни не стихает,
Где -то слева давит от тоски.
Давняя мелодия простая,
Это песня дедов и отцов,
По дорогам памяти шагая,
Рядом тени павших там бойцов.
Почему так песня нас тревожит?
Горьким дымом в ней легла война,
Словно угли жжет, болит и гложет,
Память, что и жизнь, и смерть прош

Защитникам России

Защитником России -
Отец мой был и дед.
Отца болезнь скосила,
От деда – следа нет.

На папиной могиле,
Есть надпись – «Ветеран».
О деде сообщили:
Погиб от тяжких ран.

Есть от отца награды,
От деда фото есть,
Мы мирной жизни рады,
Наш праздник в вашу честь!

Я голову склоняю,
Пред каменной звездой.
Пусть я тебя не знаю
Ты был солдат – герой!

Алевтина Коновалова

Казак Ефим

Рассказ

Красивым и статным был казак Ефим, на него все красавицы станицы засматривались, и не прочь были выйти за него замуж. Но он с женитьбой не торопился, а когда пришло время жениться, выбрал в жены чернобровую красавицу Наталью с длинной косой. Наталья была ладная да пригожая, в её руках все спорилось. Хорошая хозяйка. Семейная жизнь их была мирная и спокойная, Наталья мужу не перечила. Семья росла. Два сына - Степан и Сергей, а потом дочь Елизавета, радовали родителей своим послушанием. С раннего детства дети приучались помогать по хозяйству.

На гражданскую войну Ефим ушёл вместе с соседом Иваном. Наталья осталась одна с детьми, но она не роптала, сама научилась справляться с детьми и как могла, выживала. Она была сильная женщина и не любила жаловаться на жизнь. А ночью уложив детей спать, молилась за мужа. Просила бога, чтобы вернулся домой кормилец живой и чтобы у детей был отец. Не прошли бесследно её молитвы, бог услышал их, и Ефим вернулся домой живой и невредимый. Сколько было радости в семье?! Наталья не могла наглядеться на своего героя.

Ефим вернулся, невредим, а сосед Иван в сражении получил ранение. Они вместе воевали и держались друг друга. В последний бой с Деникинцами, тоже вместе шли. Ивана ранило почти в начале боя, а Ефим его нашёл после боя, когда понял, что товарища нет. Иван лежал без сознания, его бедро было окровавлено. Ефим на себе вынес его с поля боя и погрузил на телегу с ранеными. Потом когда возвращался домой, навестил товарища в лазарете и убедился, что с Иваном все в порядке, ещё пару недель, и он тоже вернётся домой.

Налаживалась жизнь после военных событий и в станице и в семье у Ефима. Иван давно вернулся домой, но трудиться не торопился. Все чаще и чаще стал Ефим видеть его пьяным.

- Вань, ты, что на горькую присел? Делом займись дружище – говорил Ефим.

- Ты не был ранен, не валялся по лазаретам, поэтому тебе не понять - уклончиво отвечал Иван.

У Ефима подрастали сыновья и помогали ему по хозяйству. У него дело спорилось. Сеял зерно, держал скот, завёл пасеку. Вскоре почувствовалась нехватка рабочих рук. Пришлось нанимать работников из своей станицы.

Со временем Ефим стал зажиточным. И мёд у него свой был, и молоко, и хлеб, и мясо. А вот Иван после войны так жизнь свою и не наладил. Все время пил, в семье только скандалы и драки, работать он не хотел и завидовал Ефиму. Каждый раз, при встрече, старался, что - то колкое сказать Ефиму:

- Ты Ефим, к какой бабке ходил, чтобы богатство себе приворожить? Давай делись по - дружески, я тоже с хожу – как бы шутил он, но говорил всерьёз.

- Работать надо Вань. Пить горькую бросай и все у тебя наладиться. Приходи ко мне не обижу, – вздыхая, приглашал Ефим товарища.

- Ещё чего не хватало, чтобы я на тебя батрачил? Да ни когда в жизни! – возмущался вечно пьяный Иван.

Шли года. Ефим богател и не заметил, как превратился в кулака. К нему станичники шли работать с удовольствием, так как он платил хорошо и ни когда не обижал.

Сыновья выросли. Старшего Степана Ефим женил. Засватал в соседнем селе приглянувшуюся девушку Матрёну. Сыграл им свадьбу и купил молодым небольшую хату в селе, где жила Матрёна и отделил их от себя.

Наступили тяжёлые времена раскулачивания и коллективизации в России и на Кубани. Ефим знал, как жестоко раскулачивают в соседних районах не жалея детей и женщин. Он не спал ночами - надо было принимать решение немедленно. Но какое? Крутились разные мысли, но все было не то. Нужно придумать вариант, чтобы семья ни пострадала. И тут его осенило:

- Надо раздать все своё хозяйство и зерно работникам и соседям, ведь все равно все отнимут, и никому не достанется, а так у людей хоть что - то будет, и моя семья невредима, останется – не сомкнув глаз, думал Ефим.

Так и решил. Разбудил спящего сына Сергея и отправил прямо ночью собрать всех работников. Работники быстро собрались, не понимая, что тут случилось, но Ефим им начал объяснять:

- Дорогие мои, вы мне были хорошими помощниками. Спасибо вам всем! Меня придут раскулачивать, но я решил сам вам раздать все своё добро - скот и зерно. У вас по одной скотине никто не отберёт, и вы останетесь с мясом и молоком. И по мешку зерна тоже у вас не заберут.

- А мёда дашь? – спросил кто-то.

- Все отдам, только и вы мне помогите, я ведь никого не обманывал и не обижал – просил помощи Ефим.

- Поможем хозяин, говори, что делать надо – согласились все работники.

- Сначала пока ночь, и никто не видит, уводите по домам скот и забирайте зерно, а потом надо завалить все сараи и сжечь – распорядился Ефим.

В ту ночь, все его работники и соседи получили зерно и по корове или лошади. За ночь завалили все его сараи, где был скот, вынесли все за огород к лесу и сожгли. Горело все быстро, как солома, потому что было сухое. В больших языках пламени исчезало не только его добро, но и его прошлая жизнь. Этот костёр разделял его между вчера и сегодня. Ефим смотрел на огромный факел костра, и из глаз катилась предательская слеза. Ведь это труд всей его жизни, ведь это все что он имел. Конечно, было чувство сожаления, но чувство спасения семьи победило жалость:

- Спокойно Ефим, так надо. Так правильно – успокаивал себя он.

Себе Ефим оставил три мешка зерна, два из которых следующей ночью закопал в лесу рядом с домом. Завернул каждый мешок в одеяло и обложил яму соломой. И мёд тоже зарыл в лесу под деревом.

Когда, через несколько дней, к нему приехала делегация на подводах и с конвоем его раскулачивать, у него нечего не оказалось. Ни скота, ни подворья, ни хлеба. Долго смотрели в список и тыкали пальцем его фамилию. Обыскали весь дом и весь огород, проверили даже чердак – пусто.

На завалинке соседнего дома сидел пьяный Иван и курил, наблюдая за происходящим. К нему подошли активисты и спросили:

- Не знает ли он, почему у них в списках значится Ефим кулаком, а у него ничего нет?

У Ефима, оборвалось сердце, ведь каждый раз Иван был не доволен его богатством и все время это высказывал. И теперь может, что - то сказать пьяный. Ефим замер в ожидании ответа.

- Ну, ты что оглох? Уже с утра напился что ли? – переспросили его.

- И напился, а вам, что? Какой Ефим может быть кулак, если он меня спас на войне – раненого тащил на себе с поля боя – бормотал пьяный Иван.

- Ну ладно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке - махнув рукой активисты, попрыгали в подводы и уехали.

Долго стоял Ефим, не поверив, что беда миновала, потом подошёл к Ивану и сказал:

- Спасибо, дружище! Я честно думал, выдашь меня. Ладно, дай закурить – сказал он и присел рядом.

- А зачем бы я выдавал? Вон баба моя довольная твоей коровой, молоко нам даёт. Не нахвалится на тебя. А я что, мне все равно - ответил Иван.

Так закончилось раскулачивание для моего прадеда Ефима. В голод его и семью спасли два мешка уже подопрелой пшеницы и мёд, зарытый в лесу.

Прошло время, закончился голод и на Кубани и в стране. Снова заколосились поля с пшеницей, гречихой и подсолнечником. Жизнь наладилась в колхозе, он стал прибыльный.

Ефим с женой Натальей трудились в колхозе. Дочь Елизавету отдал замуж за красавца Михаила, который работал у него до раскулачивания. Справили скромную свадьбу, как смогли, и теперь в их доме жил ещё и зять. У дочери родились две очаровательные девочки- близняшки.

У старшего сына Степана тоже родились три девчонки. Его жена Матрёна на селе стала активисткой. Жили они в мире и согласии. Только младший сын Сергей был ещё несовершеннолетний подросток, но по дому помогал во всем. Самая тяжёлая работа, такая как заготовка дров на зиму, уже лежала на его плечах.

Часто Ефим, проходя мимо хаты Ивана и увидев его на завалинке, присаживался к нему и они вспоминали гражданскую войну. Вспоминали, как гнали Деникина на юг до самого Чёрного моря, и как в последнем бою ранило Ивана, и как Ефим тащил его на себе с поля боя.

- Ты, Ефим, на меня не сердчай. Я иногда скажу не то, а потом жалею. Характер у меня такой дурной. На самом деле, я тебе очень благодарен, за своё спасение, да и за все. Ну не могу я красивых слов говорить, ведь не баба – искренне говорил Иван.

- Да ладно, а ты, разве по - другому поступил бы? – в упор спросил Ефим.

Иван вздохнул и опустил глаза. Конечно, он тоже не бросил бы раненого товарища. И излишне задавать такой вопрос. Он был старше Ефима на несколько лет, поэтому уже сидел дома как пенсионер. Старые раны беспокоили – он сильно хромал и ходил с палочкой. А Ефим ещё сохранил в себе силы. Здоровье не подводило, энергии было хоть отбавляй.

Жить да жить бы, а тут новая беда. Началась Великая Отечественная Война. На рассвете двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, обрушила на Россию удар огромной силы.

В первых рядах, из семьи, ушёл на фронт Степан, оставив семью на попечение родителей. Сразу за Степаном ушёл на фронт муж дочери Михаил.

Немцы с каждым днём занимали новые города и села, казалось, враг непобедим. Ефим каждую неделю ходил к военному и просился на фронт.

- Не положено тебе, отец. Пока сиди дома. Как разрешат – вызовем, – ему говорили ему одно и тоже.
- Что значит, не положено? Я Колчака бил и Деникина бил, а тут не положено, – возмущался он.

Летом в сорок втором году пришла похоронка на Степана. Дети остались сиротами. Немецкие войска наступали на Краснодар и уже подходили к их станице. Повсюду на Кубани организовывались партизанские отряды. Не смог Ефим сидеть дома. Узнав о партизанах, примкнул к ним. Вместе с партизанами держал оборону рядом с армейскими подразделениями, их диверсионные группы взрывали мосты, дороги, совершали нападения на штабы, группы солдат расправлялись с предателями, добывали разведывательные данные.

В январе тысяча девятьсот сорок третьего года освободили город Горячий Ключ от немецких захватчиков, что не позволило врагу продвинуться в Туапсинском направлении, на которое Гитлер возлагал большие надежды.

Ефим решил отпроситься у командира на пару дней домой, а то потом когда ещё получится. Станица находилась совсем рядом два часа ходу. Командир дал разрешение, и он немедленно отправился домой. Ефим шёл домой зимней заснеженной тропкой, которая знакома была ему с детства, и думал:
- Как они там?

Немцев из станицы и всех ближайших сел выгнали ещё в прошлом месяце, но маленькие разрозненные группы немцев, оставшихся в живых, старались пробиться к своим.

Мороз в январе крепкий, щипал Ефима за нос и щеки. Градусов под тридцать было, но он его не замечал, а согревался мыслями о доме и о встрече. Отчётливо уже видел счастливые глаза жены Натальи со слезами радости и уже чувствовал, как она его обнимает и застывает у него на груди. Видел, как выбегает дочь Лиза и виснет у него на шее с возгласами радости. Вот оно, счастье! Он идёт к нему! Осталось километра полтора-пустяк! Вот сейчас он порадует их тушёнкой с консервами, и мылом....

Вдруг отчётливо услышал хлопок... другой и застыл на месте. У него в спине появилась сильная боль, которая расползлась внутри груди и по всему туловищу. Медленно повернулся назад и присел. В глазах появился туман, но успел разглядеть мелькнувшую фигуру, скрывшуюся за деревьями. Засунув руку под ватник – понял, что ранен и пуля прошла навылет.

- Ничего, до дома чуток осталось. Дойду. - успокоил себя.

Встал и на ватных подкошенных ногах, как мог, шёл вперёд. Голова кружилась, в глазах все гуще становился туман. Покачиваясь и держась, от дерева к дереву, шёл к дому. Долгий и трудный оказался это отрезок пути. Силы покидали его с каждой минутой. Вот уже и хата видна, осталось, метров триста... двести...сто... Ефима силы исчезли, и он рухнул без сознания перед своей калиткой, в нескольких метрах.

У Натальи на душе было беспокойно. Она места себе не находила и не знает, почему, набросив платок наголову и ватник, вышла во двор. Предчувствие тревоги понесло её к калитке, распахнув её, обомлела, возле их двора лежал человек и не шевелился.

- Боже правый, кто это? - всплеснула она руками, подошла к нему и сразу узнала мужа.

- Ефимушка! Ты ли? Боже, что с тобой? Откуда ты тут? - запричитала она.

Потом опомнилась и побежала в хату за помощью, звать сына. Вдвоём с сыном дотянули Ефима до хаты и кое - как затащили вовнутрь. Сняли ватник и уложили на топчан, но он в сознание не приходил.

- Серёга, а ну, живо беги к бабе Нюре. Скажи, отец раненый помирает, пусть придёт – отправила мать сына.

Наталья сидела возле мужа, держала его руку в своей и плакала. Рядом так же сидела дочь Елизавета и тоже плакала. Ей так хотелось, чтобы отец открыл глаза и что-нибудь сказал. Лиза почувствовала, что отец умирает, и не могла смириться с этим. Как же так? Почему именно сейчас, когда немцев выгнали из станицы?

Вдруг Ефим открыл глаза и попытался улыбнуться:

- Я дома. Как хорошо – еле выдавил он.

- Ефимушка, что случилось? Я случайно тебя обнаружила. Сейчас баба Нюра придёт, полечит тебя, потерпи - уговаривала Наталья мужа.

- Не к чему это, Натальюшка... меня подстрелили недобитые немцы...пуля на вылет прошла...я ... я много крови потерял наверно...главное я дома...Лиза, не плачь, мне легче будет...там, в вещмешке вам гостинцы...главное я дома...- тихо с перерывами шептал он задыхаясь. И вдруг снова потерял сознание.

- Ефим! Не оставляй нас! – запричитала Наталья.

Прибежала, запыхавшись, баба Нюра и кинулась сразу к Ефиму. Осмотрев его, сделала заключение:

- Улетела душа его в мир иной. Нет пульса. Умер минут двадцать назад. Ничего сделать уже нельзя. Поздно!

За окном шёл снег большими пушистыми хлопьями. Всю ночь Наталья сидела возле своего любимого мужа, сначала выла, как раненая волчица в лесу. Затем к утру притихла, молча уставившись в одну точку, покачивалась. Слезы сами вытекали из глаз, но она их не вытирала. Зачем ей вытирать слезы, зачем теперь жить? Стёпушка погиб и теперь вот муж Ефимушка умер. Как жить с такой болью?

Утром собрались все соседи и помогли похоронить Ефима на кладбище, как могли. Иван подошёл к могилке и долго мям в руках шапку, не мог найти слов. Слова застревали у него в горле, но все-таки сказал:

- Как же так, дружище? Как же я без тебя, Ефим? Мне тяжело будет. Ты для меня был и примером, и опорой в трудную минуту. Спасибо тебе за все, что для меня сделал. И прости меня, если сможешь. Прощай, там свидимся!

С кладбища Иван шёл, ковыляя по гололёду с палкой, вытирая шапкой слезы. А Наталью обняла дочь Лиза, сын Сергей и две маленькие внучки, так и пошли обнявшись, поддерживая друг друга. Они шли домой, где больше никогда не будет Ефима – их опоры и кормильца. Они шли домой учиться жить новой жизнью, без него.

Закончилась война, прошли годы. Вновь заколосились поля, налились тяжестью плодов сады. О тех далёких страшных годах напоминают только кресты на кладбище за казацкой станицей. Давно нет в живых очевидцев тех страшных лет. Но они всё же успели рассказать своим детям и внукам о том, что тогда происходило.

Гвоздики

На площадь Героев ведёт сердца память,
Где вечный огонь негасимо горит.
У входа встречает горящее пламя,
Как символ того, что никто не забыт.

В сражениях павшим, несу я гвоздики,
Дрожат лепесточки, алея в руках.
Застыли фамилии в огненном блике,
Героев, которым неведом был страх.

Своё дорогое отдав за Победу,
Уснули в кургане бойцы на века.
Где ветер с берёзками водит беседы
И мирно по небу плывут облака.

Людмила Торопчина

Лукоморье

Лукоморье, Лукоморье!
Это — сказочное взморье,
Где изысканно изогнут берег,
Словно скифа лук.
Когда дует сильный ветер,
Здесь — и я тому свидетель,
Море плачет и смеётся,
Разрывая в клочья звук.
В древности, мы в это верим,
Здесь резвились флибустьеры,
Их лихие каравеллы
Распускали паруса.
Нынче порт Новороссийский,
Море - бывший Понт Эвксинский,
Знаменитый южный город,
Наша гордость и краса.
Лукоморье, Лукоморье!
Это - город стихотворный,
Над которым после бури
Тихий ангел пролетел.
Город радостной улыбки,
Как в броню закован в плитки!
Это — наш любимый город!
Будь вовек благословен!

Начало войны

Я часто задаюсь таким вопросом —
Насколько тонок наш культурный слой?
Как немцы — нация поэтов и философов
Вдруг превратилась в форменный отстой?
Народ советский добр и независтлив.
Он верил — немцы не пойдут на нас.
Восстанут там марксисты-коммунисты,
И не допустит их рабочий класс.
Мы будем жить красиво и достойно
И не допустим никакой войны.
Любой наш город может спать спокойно
И видеть сны, и зеленеть среди весны!
А если только сунутся фашисты,
То будут биты всюду и везде.

Мы так сильны, и танки наши быстры.
Война пройдёт только по вражеской земле.
Мы по врагу пройдем победным маршем...
Мы не могли тогда предполагать:

Война! Это так долго и так страшно —
Четыре долгих года воевать!
Та эйфория обошла сторицей,
Преступная растерянность вождей.
До Волги враг дошёл и до столицы,
И погибали тьмы и тьмы людей.

Геленджик

Вновь что-то не сработало в природе.
Уже весна, уже давно весна.
Что значит безнаказанность погоды,
Капризна, своенравна, холодна.
Но место есть, куда душа стремится!
Недалеко, всего лишь край земли.
У нас весна никак не устоится,
А там недавно вишни расцвели.
Лететь туда! Согреться, вдохновиться...
И вот я здесь — какая красота!
Мне в будущем нескоро возвратиться
Ещё придётся, может быть, сюда.
Стоят под солнцем сосны-исполины,
Под ними полусвет иль полутьма...
И море цвета сверх ультрамарина,
А воздух - словно тонкая струна!
Ах! Не забыть бы мне домой дорогу,
Дул ветер в спину, а теперь в лицо.
Увидела весну - и, слава Богу!
Что нужно мне ещё, в конце концов!
И снова я на маленьком вокзале,
Таком безлюдном на исходе дня.
И лишь собака серыми глазами,
Всё понимая, смотрит на меня.
Опять вернусь в свою я несвободу,
Прости меня, благословенный край!
Уже на взлёте старенький автобус.
Я здесь! Ты без меня не уезжай!

Галина Усова

Победный салют

В срок первом- страшные вести...
За собой позвала нас беда.
Над страной фашистские смерчи,
От бомбёжек горят города...

На перронах толпятся солдаты,
Эшелонами грузятся в путь...
Поквитаться с врагом, как расплаты,
Ждут бойцы- за семью, за страну.

Застучали колёса состава,
Вот и скрылся бедовый вокзал,
А в висках моих фраза стучала-
"Мы вернёмся с Победой назад..."

Я на фронт с собой взял, как иконы,
Фотографии деда, отца,
И в прокуренном дымном вагоне,
Словно слышу отцов голоса –

"Помолись!"-говорят -"За отчизну!
За семью и за мать, что в тылу,
Бей врагов! Не заказывай тризну.
И вернись! Верь, что дома все ждут."

Много лет от войны и печали...
Поднимаю сто грамм боевых...
За друзей, что от пуль замолчали,
И за тех, кто вернулся с войны.

Отстояли Победу и правду,
Уничтожив фашистскую спесь.
На земле теперь МИР и по праву
Наш Победный салют прогремел!

Письмо на стекле

Я письмо напишу на стекле.
О любви к тебе, радостях, грёзах,
Мчится поезд, и я в тишине...
Заметает окно на морозе.

Нарисую письмо на стекле.
Будет сердце с пронзённой стрелой,
Полюбуйся стрелой в "хрустале",
Её вытащить можно с любовью...

Я письмо напишу на стекле!
Очень жаль, сохранить его сложно,
Смоют строки дожди по весне
Не прочтёшь, не узнаешь о многом...

Электричка спешит далеко...
У окна я стою и мечтаю,
Как я встречу тебя, и письмо
В дымке снежной тебе я вручаю...

В отпуске

Под песнь петухов просыпается утро,
Туманные росы покрыли траву,
Как после дождя заиграл перламутром
Восход - на востоке прогнал полутьму.
О, Утро! Как тихо и чудно... Я замер,
Поддался я чарам твоим, колдовству...
Природные краски из множества граней
Зовут любоваться цветами в саду.
Высокое небо, под солнечным светом,
За лугом - сияет река вдалеке.
И отблеск воды, что манит силуэтом,
Купается в солнечном таинстве - сне...
Под песнь петухов просыпается утро...
И жизнь продолжается...Отпуск прошёл...
Вокзал, поезда, в городах очень шумно.
Прекрасные дни я в деревне провёл.

В череде убегающих лет

В череде убегающих дней...
Не заметил, как жизнь пролетела,
Как дорога от школьных дверей
Уводила нас в пору взросленья.
Разлетелся дворовый наш круг...
Закружил танец жизни, в объятьях
Новых встреч и восторженных мук,
Неожиданных праздников, счастья...
И любуюсь мерцанием звёзд,
Я загадывал много желаний.
Что исполнилось в жизни всерьёз,
Я берёг от чужих заклинаний.
Я любил и грешил, но предать
Не умел, дорожил детства братством.
Голова поседела и вспять-
Не вернуться на улицу счастья...
В череде убегающих лет...
Не заметил, как выросли дети,
Может внуки откроют секрет:
"Как прожить без грехов в этом свете...?"

Светлана Баранник

Морская благодать

Спешу к тебе, морская благодать,
Хочу упасть в прохладные объятия.
Ты мне навстречу посылаешь рать
Прохладных волн в своих прозрачных платьях,

Кидаешь легионы пенных волн
О берег каменный, на брызги разбивая,
И трёшь о мол забытый серый челн,
О чём- то давнем мне напоминая,

Где был зелён нетронутый Маркхот,
Изгрызанный сегодняшним прогрессом,
И на Шесхарисе трамвай поёт,
И перевал в неровной кромке леса.

Ты охлаждаешь душу от жары,
Прибоем звуки города смывая,
И голосами звонкой детворы
На миг короткий в детство возвращая.

Порт приписки- Новороссийск

Наш порт приписки- Новороссийск,
Волна кидает то вверх, то вниз.
А мы с волнами на брудершафт,
К привычной качке готов моряк.

Груженный танкер в волнах увяз,
А ветер в мачтах играет джаз.
С утра штормуем, а в танках нефть,
А вдалеке ждёт земная твердь.

Ещё полсуток, а там Дооб,
Спешит Буйместр, домой- вперёд!
Грохочут цепи о ржавый клюз,
Весна на взлете, и в сердце блюз.

Память

Печальный звук тревожный и надрывный,
Над Пискаревским кладбищем висит.
Я вспоминаю Ленинград блокадный,
Январский колкий снег в лицо летит.

Развалины смотрящих в небо стен,
Крестами перечеркнутые окна.
И голода невыносимой плен,
И санки, увозящие кого-то.

На Невском надпись кирпичом на белом,
Начертана дрожащею рукой,
«Здесь сторона опасна при обстреле».
(И ведер звон над стылою рекой).

Как пахнет хлеб с подбитой хлебовозки,
Буханки теплые разбросаны в снегу,
Мы собираемых хлеб в салазки и повозки,
Все есть хотят, но крошки не возьмут.

От памяти мне никуда не деться,
Воронки от снарядов на снегу,
Я духом города пропитан с детства
И без него дышать я не смогу.

Победа

Победа! Русская Победа!
В победном шелесте знамён,
В ней молодость отцов и дедов
И жив Бессмертный Батальон!

Здесь кровью алого рассвета
Омыта вся моя страна,
И я кричу на всю Планету,
Победа - Славная моя!

Войною лютой пропиталась
Многострадальная страна,
Четыре года ты ковалась,
В боях - Победа, ты одна.

Сквозь дым боёв и грохот взрывов
Несли Победу на штыках,
Была недюжинная сила
В прорыве яростных атак.

А кто там справа или слева,
Татарин, русский иль казах,
Победа в ваших душах зрела,
И крепла в жилистых руках.

Мы, русские, народ, что надо,
С широкой, доброю душой,
Но помним зори Сталинграда,
Панфиловцев последний бой.

Отнять Победу невозможно
И оболгать её нельзя,
Её нести сквозь годы должно,
В ней жизнь, и доблесть, и слеза

Любовь Васильева

Здесь Родины моей начало

В день памятный для нас, у Вечного огня,
Где брызги искр - незаживающая рана.
Стоим мы, молча, голову склоня,
И о войне мы слушаем рассказ героя-ветерана.
И вместе с ним мы в том бою,
И край наш опалён войною.
И те, кто там погиб, и мы,
Одною связаны судьбою.
И в эту ночь, в далёком феврале
Морской десант, наш город защищая,
Стоял здесь до последнего бойца,
Своею кровью берег поливая.
И видим мы сражённого бойца,
Уходит жизнь, дыхания не стало.
Едва лишь сердце трепетно стучало:
«Здесь Родины моей начало».
И мы бессильны что-то изменить,
Стоим, невольно кулаки сжимаем,
И боль у нас одна на всех,
Украдкой слёзы вытираем.
Вдруг тишину прервал гудок –
Надёжная охрана у причала.
И каждый радость испытал:
«Здесь Родины моей начало!».

Ничему нас не учит история

Ничему нас не учит история,
Память ветрена с ней не в ладах.
Как признать эту истину горькую
Изменяется мир на глазах.
Нам двойные стандарты привычнее,
Потерялся, исчез мир во лжи.
Не сумеет нам с раздвоенной личностью
И на миг удержать миражи.
Почему нас не трогает свастика
На плечах несмышлёных юнцов?
Мы в ответе за них - соучастники.
Растеряли заветы отцов.
Это было в тридцатых. В Германии...
Тот же колер и те ж молодцы,
Начиналось невинно, в компании,
А потом запылали дворцы.
По Европе текли реки кровушки.
Сорок третий! Кто помнит Хатынь?
Запылала деревни, как брёвнышки
В одночасье не стало святых.
Ничему нас не учит история!

Память ветрена с ней не в ладах...
Будет некому крикнуть - Виктория!
Только смерть отразится в веках...

Настроение

В доме зеркало давно я не держу,
Вместо зеркала в ручей сейчас гляжу.
Для себя я поэтесса и модель.
Кошка серая живёт со мной - Адель.

Тенью прошлое мелькнуло - долог век ...
Время ветром ускоряет свой разбег.
Наяву живу, а может это сон?
Мимо мир скользит, зарёю опалён.

Мною пройдено немало троп-дорог.
Отчий дом, давно покинув, за порог
В платье ситцевом ушла я за тобой,
Вслед, Луна мне покачала головой...

Юность, зрелость с тобой об руку прошла.
Мне хватало и заботы, и тепла.
Но ушёл ты от меня, закрылась дверь,
И со мной теперь лишь рядышком Адель.

Растерялась я, и день и ночь темна.
Подхватила, понесла меня волна.
В мир, где с чистого пришлось начать листа.
Только кошке я теперь лишь и нужна.

Просвирник на асфальте

Пробился листок сквозь асфальт,
Ершистый, в пыли, не ухожен.
Покинул семейство он мальв,
Просторно ему здесь, похоже.

Пробил он асфальтовый склеп,
И силы свои приумножив,
Росток потянулся, окреп,
Чтоб радовать взгляды прохожих.

И к лучику солнца прильнув
Умылся под утро росой.
Ко мне лепестки протянул –
Наполнилось сердце любовью.

Мне видится чья-то душа,
По воле небес у дороги.
Она, как младенец чиста,
Не ведает разум тревоги.

Рождение чуда встречайте.
Просвирник зацвёл на асфальте!

Вениамин Шилькрут

В метель

Бывает грустно за себя:
Я потерял мечту,
И жизнь моя промчалась зря –
Как ветер - в пустоту.

Хотелось многое успеть,
Но как увидеть цель?
Пути не просто разглядеть,
Когда идёшь в метель.

Мне говорили: «Пережди,
Морозы и снега.
Придёт весна - прольёт дожди,
И зацветут луга.

Но если мне метель теплей,
Чем капельки дождя,
К чему мне доводы друзей?
Им не понять меня —

Что я во сне и наяву
Жду милых мне недель —
Когда дожди переживу...
И вновь пойду в метель!

Встать! Суд идёт!

Встать! Суд идёт! Идёт суд Божий,
Он никого не пощадит —
И кто велик, и кто ничтожен,
Всё - только суд определит.

И за дела, слова и мысли
Воздастся каждому своё,
За всё, что сделано при жизни,
За всё забытое давно.

За то, что кто-то жил в лачуге,
А кто-то деньгами сорил.
И кто-то корчился в недуге,
А кто-то дьяволу служил.
И вот оно пришло, мгновенье!
К ответу небеса зовут!
За алчность, ложь, за извращенье —
За всё с нас спросит Божий суд!

Возвращайтесь, соколы

Возвращайтесь, соколы, в Россию!
Соколы, без вас ей тяжело.
И леса, и небо заселили
Стаями – сплошное воронье.

Где вы, соколы, в каком пространстве?
Ждут вас реки, горы и поля.
После ваших перелётов-странствий
Оскудела русская земля!

Разве вам отрадно на чужбине?
Или вам заморский хлеб вкусней?
Родина вас помнит и доньне,
Примет, как заблудших сыновей.

И расправит спину она гордо,
Благодарно слёзы заблестят —
Разлетится воронья когорта.
И наступит всюду мир и лад!

Возвращайтесь, соколы, в Россию!
Соколы, без вас ей тяжело.
И леса, и небо заселили
Стаями – сплошное воронье.

Колокола

Небеса сияют голубые.
Лепестки раскрылись у цветов,
И запели, бронзой налитые,
Переливы всех колоколов.

Все земные тайны раскрывает
Этот уходящий в небо звон.
Каждый взгляд с надеждой ожидает,
Что когда-то будет он прощён.

Только б вновь нигде не оступиться,
Не забыть, не повторить бы зла.
Этот звон во все сердца стучится —
В небесах поют колокола...

Екатерина Белоусова

Бабушкин сундук

В углу накрытый старым пледом,
Загадочный сундук стоял.
Был он сколочен ещё дедом,
Что там внутри, никто не знал.

Бабуля доблестно молчала,
Храня свои секреты в нём.
«Узнаешь позже!» - отвечала,
Закрыв его кривым ключом.

Запретный плод – всегда был сладок!
Что в нём – ужасно интересно»
Ключ найден. Никого нет дома.
Я «тайну» открывать полезла.

Хоть знала – не сойдёт мне с рук,
Но любопытство победило.
И старый бабушкин сундук
Со страхом все-таки открыла!

Всё быстро из него достала.
И ахнула! Ну как же так! –
Платок пуховый...одеяло...
Подушка...Бархатный пиджак...

Фата и свадебное платье...
Примятый временем башмак...
Шкатулка с хохломским рисунком
И нюхательный в ней табак...

Вот это –да! А где же тайна?
Богатства всякие...секреты?
Зачем всё бабушка скрывает?
Ведь ценного здесь вовсе нету!

Разочарованная фактом,
В сундук поспешно всё спихнула.
С досады...или с сожаленья...
Забыв закрыть, пред ним уснула.

Приснился мне сундук волшебный.
Внёс куклы. Бантики, конфеты!
И даже – свадебное платье,
Красивое. Не то что это!

Я в нём как будто бы принцесса,
Танцую с принцем на балу.

Кружусь! Кружусь! Вдруг слышу где-то:
«Да, что же, спишь ты на полу?»

Глаз открывать мне не хотелось –
Пунцом лицо окрасил стыд!
На месте поймана, что делать?
И я заплакала навзрыд.

Бабуля рядышком присела.
Платком мне слёзы вытирает:
«Ну успокойся! Успокойся!
Да я ж тебя не заругаю!»

«Не плачь. не плачь, моя роднуша!
Не порти личико себе»
И прошептала мне на ушко:
«В том сундуке ведь всё тебе!»

«Всё то, что лучшее имела,
Я для тебя приобрела! –
«Сю-ль-приз» тебе хотела сделать,
Когда бы замуж отдала...»

Такие теплые слова,
Мне детские сушили слёзы...
Платок бабули в кружевах...
С расшитой крестиками розой...

Прошли года. Её не стало.
Сундук, как есть, в сарай снесли.
Поздней – сарай сгорел в пожаре...
Один лишь ключ кривой нашли...

Я б всё давно забыла...может...
Но чаще слышен сердца стук...
Ведь совесть душу до сих гложет,
Что не смогла сберечь сундук!

Людмила Миленина

Любимая моя Россия!

Любимая моя Россия!
Ты хорошеешь с каждым днём.
Ты - наша мудрость, наша сила.
И гимны мы тебе поём.
Мы - твои дети, Русь святая,
Мы кровно связаны с тобой.
Твои границы защищая,
Мы принимали грозный бой.
Тебя мы с честью отстояли
И чтим погибших сыновей.
Мы верили и твёрдо знали –
Не отдадим земли своей.
Твои раздольные просторы
И ширь лесов, размах полей,
К себе притягивают взоры,
Для нас нет Родины милей.

Городу

Взошла заря, лучами осветила
Любимый город и тенистый лес,
Прошла по тихим всплескам моря,
Оставив на воде зеркальный блеск.

И ветерок ласкает воды,
А волны на берег спешат,
И голубеют неба своды,
И с криком чайки вдаль летят.

Волшебное море, солнце засияло
И расплескало лучики кругом,
Соткало золотое покрывало
И одарило каждый дом.

Тюльпанами украшен город,
Палитрой красок озарен,
Он так величествен и молод
И славой мира наделён.

Село моё «Мысхако»

Мысхако мое гористое, стройное,

Трудом и победой прославилось ты,
У Чёрного моря лозой окаймлённое,
Здесь розы цветут и зреют сады.
Мысхако мое - селенье просторное,
Своим винодельем прославилось ты.
Высокой наградой за труд награждённое,
Умножило славу любимой страны.
Пусть мчатся года и проходят столетья,
Ты всех восхищаешь своей красотой.
Доброе имя твоё и бессмертие
Годами, веками пойдут за тобой.

Мой город детства

Процветай, мой город детства,
Город мужества, труда.
С каждым днём все краше город
И геройская звезда.
В сквере Пушкина поэты
Свои вирши выдают.
Чуть поодаль ждут мольберты
Описать почетный труд.
Моряка в порту встречают,
Путь был дальний, не простой
И заслуженно вручают
Орден славы трудовой.
Так шагает по планете
Мой заслуженный герой.
В песне с гордостью воспетый
Город славы трудовой.

Светлая любовь

Уснул мой город крепким сном,
Мерцают звезды за окном,
И месяц золотым серпом
Висит над черным полотном.
На гладь морскую упадет
И Млечный путь с собой возьмет,
Чтоб отражение светил
Весь мир собою покорил.
И в этой млечной тишине
Все раскрывается во сне -
Мечты, желанья, любовь,
И сердце бьется вновь и вновь.
Пусть это будет наяву,
Осуществить свою мечту,
А в подтвержденье чудных снов
Пришла к нам светлая любовь

Михаил Ярохович

(Юмор)

Мужские и женские слабости

Жена это кладезь у мужа в очах,
В семье по достоинству близкого нет,
Она охраняет домашний очаг,
В котором сжигает семейный бюджет.

Казаться чтоб желанной, милой,
И поддержать свой шик и лоск,
Жена недавно изменила...
В одном салоне цвет волос

У современных дам в крови
Нет даже капельки любви,
Для них любовь – пустая блажь,
Куда важнее – макияж.

Давно наши женщины плачут,
Быть слабой – мечта всех подряд,
Да кони всё скачут и скачут,
Да избы горят и горят.

Простив измену на словах,
Жена на деле даст урок:
Коль зачесалась голова,
То это значит лезет рог.

Муж от жены как тот кот бродит
Потом не знает, что твердит:
Сходив направо – песнь заводит,
Налево – сказки говорит.

Жизнь недолго идёт на уступки,
Мы — мужчины свободны, сильны
Лишь в пути из-под маминой юбки
Под каблук благоверной жены.

Любовь не так уж нынче в моде,
Куда важней для нас еда:
Любовь приходит и уходит,
А кушать хочется всегда.

Мужчины, если даже вы
Невзрачны, злы, упрямы,
Женитесь только по любви...
К деньгам прекрасной дамы.

Трагично то, что век мужчины
Короче женского намного.
Тому есть разные причины,
Причём, не все они от Бога.

Красавицы! Готов уже
Сказать вам без обмана:
«Вы – рай глазам, вы ад душе,
Чистилище – карманам!»

Говорит всегда примерно так
Своему Адаму его Ева:
«От любви до ненависти – шаг,
Это шаг, любимый мой, налево!»

К изменам и тех дам склоняют,
В семье у которых идиллия,
Но, знайте, они изменяют
Лишь ради рогов изобилия.

Трезвость

Кто не курит и не пьёт
Под машиною помрёт,
Так что трезвый образ жизни
Преимуществ не даёт!

Студент

Студент, запомни, как завет,
Приобретая знания,
Что для тебя ученье – свет,
А не ученье – армия.

Коньяк

Коньяк используют повсюду
Посредством рюмок и стаканов
Для расширения сосудов...
И похудения карманов.

Графоман

Графоман может вечно писать
И бумаги использовать массу,
В голове его столько овса,
Что нельзя оторваться Пегасу.

Четырежды семнадцать

Сегодня мне четырежды семнадцать.
Для творчества - прекрасные года:
И опыт есть, и можно посмеяться
Над бедами своими иногда.

Сегодня мне четырежды семнадцать
И жизнь течёт, как бурная вода,
Мне утром всё труднее разгибаться,
Но я не унываю никогда.

Сегодня мне четырежды семнадцать,
А вот душа, как прежде, молода,
Ко мне на ВВ не надо обращаться, –
Сегодня мне семнадцать, господи!

Морда, водка и кирпич

Просила морда кирпича.
О, как она просила!
Мечту о встрече на плечах
Хозяина носила!

Кирпич навстречу ей не шёл,

Летел всё мимо, мимо.
И было ей нехорошо,
Почти невыносимо.

Но вдруг с хозяином она
Попала на гулянку,
На море водки и вина
Под гуся и солянку

Хозяин был тут ни при чём
(Ему бы лишь "нажраться").
Упав, он морде с кирпичом
Позволил повстречаться.

Устав такое замечать,
Одно я понял твёрдо -
Когда захочет кирпича,
Его получит Морда!

О пользе диеты

Готовя себя на съеденье диетам,
Сначала возможности взвесьте -
Потеря ста грамм вашей массы при этом
Вам в долларах выльется в двести.

А нервов и сил вы потратите столько,
Что будете жизни не рады.
К тому же, оставившим зубы на полке,
Нам - русским диеты не надо.

Жизнь прекрасна, спора нет,
Мне давно она по нраву,
Будто пачка сигарет
С разъяснением Минздрава.

Событий будущих сплетенье
Нам не дано предугадать:
Потери, встречи, обретенья...
Споткнуться, выпить, "дуба дать"?

Понял я, дойдя до точки,
Хватит мне спиртное жрать,
Мне с утра шепнули почки:
"Время камни собирать!"

Содержание:

История Новороссийска:

Герб города-героя Новороссийска.....	5
История Новороссийска.....	7
Исторический Новороссийск.....	9
Сергей Шило	
Новороссийск после Крымской войны.....	10
История трамвая.....	11
Аница Дели	
Библиотека – источник культуры.....	18
Иван Литовка	
Сражение на Кавказе.....	19
Сергей Сербин	
Воспоминания о воздушном бое.....	21
Анна Белова	
Малоземелец.....	26
Виктор Буравкин	
Чтобы мы не забывали их.....	28

Их голоса звучат донныне:

Александр Иващенко.....	37
Светлана Летт.....	41
Вера Елисеева.....	44
Виктор Рябикин.....	45
Александр Липин.....	47
Александр Письменный.....	48

Истоки. Клуб ветеранов и старожил

:

Анна Белова.....	49
Лариса Кривенчук.....	50
Валентина Чернышёва.....	53
Светлана Баранник.....	57
Алевтина Коновалова.....	59
Людмила Торопчина.....	63
Галина Усова.....	64
Светлана Баранник.....	65
Любовь Васильева.....	66
Вениамин Шилькрут.....	67
Екатерина Белоусова.....	68
Людмила Миленина.....	69
Михаил Ярохович.....	70

Содержание:	73
-------------------	----

Истоки

Литературно-краеведческий

Альманах № 1

Подписано в печать 00.11.2017 г. Формат 60*90 1/8. Бумага офсетная.
Усл. Печ.п.8,5. Тираж 100 экз. Заказ№ 1395. Отпечатано в типографии «Вариант».
353925, Краснодарский край, г. Новороссийск, пр. Дзержинского, 211, корп.2.
Тел, /факс: (8617) 689-777, e-mail: info@variant97.ru.

Э. Э. Баллион

Эрнест Эрнестович Баллион — профессор-энтомолог, который по окончании своей деятельности в Петербургском лесном институте, переехал в Новороссийск в начале девяностых годов девятнадцатого века. Имея собственную библиотеку, состоявшую из книг, журналов и газет, собранных им в течение многих лет, Баллион решил передать ее Новороссийску. В своем заявлении в органы управления городом он писал: “Принимая во внимание, что в Новороссийске нет публичной библиотеки, ни читальни, ни даже книжной лавки, я решился пожертвовать ее городу, для общей пользы, мою, довольно значительную библиотеку, состоящую из нескольких тысяч томов по разным отраслям знаний, и положить этим основание городской публичной библиотеки”.

После длительных согласований, переписок, постановлений, длившихся более двух лет, первого марта 1894 года было

принято постановление принять библиотеку Баллиона в собственность города, назначив Эрнеста Эрнестовича ее директором: “Теперь же принять в полную собственность г. Новороссийска от Э.Э. Баллиона по означенной краткой описи его библиотеку в количестве 2909 томов и тут же передать эту библиотеку, как уже городскую собственность, в заведование его же: Э.Э. Баллиона, в качестве ее пожизненного директора”.

Редакционный совет:

Главный редактор – И.А. Перезова
Технический редактор – А. Ю. Коновалова
Корректор – А. П. Белова

